

ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ СССР

**Institute for the Study of the USSR * Institut zur Erforschung der UdSSR
Institut d'études sur l'URSS**

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

(Серия 1-я, выпуск 62)

Давид Бург

**Оппозиционные настроения молодежи
в годы после «оттепели»**

**М ю н х е н
1 9 6 0**

Работы, издаваемые Институтом за подписями их авторов, являются свободным выражением взглядов и выводов авторов. Издательская Коллегия Ученого Совета Института оставляет за собой право иметь собственное суждение по издаваемым исследованиям и материалам.

Перепечатка разрешается при условии указания источника.

Herausgeber: Institut zur Erforschung der UdSSR, e. V.,
München 26, Schließfach 8.

Verantwortlicher Redakteur: Prof. B. Iwanow, München 22, Mannhardtstr. 6.
Drück: Buchdruckerei Einheit, Inh. I. Baschkirzew, München 8, Hofangerstr. 73.

Printed in Germany

DAVID BURG

Opposition Trends among Youth in the Years Following the "Thaw"

DAVID BURG

Die oppositionelle Einstellung der Jugend in den dem „Tauwetter“
nachfolgenden Jahren

DAVID BURG

Les tendances opposantes de la jeunesse pendant les années suivantes
le „dégel“

Вступительные замечания

После бурных событий 1956 г. вопрос о преданности молодежи существующим за железным занавесом режимам больше не является спорным. Чешская молодежь ответила на него в мае антиправительственными демонстрациями, польская — своим участием в познанском восстании и в октябрьских событиях, венгерская — тем, что она взяла на себя роль застрельщика народной революции, восточногерманская — сочувствием этой революции и требованиями либерализации ульбрихтовского режима. Наконец, в СССР именно молодежь наиболее активно и открыто выражала свое недовольство режимом и сочувствие Польше и Венгрии. 70% всех случаев выражения оппозиционных настроений, так или иначе зарегистрированных в советской печати, приходится на долю молодежи. 8 ноября 1956 г. Хрущев говорил «о нездоровых настроениях среди учащейся молодежи». «Комсомольская правда» сообщила к этому времени о «молодых людях, которые за отдельными недостатками не видят благ советской жизни». В ленинградской студенческой среде были обнаружены «ультра-революционеры — демагоги», «нигилисты, производящие переоценку ценностей», «аполитичные, идейно чуждые люди», «нарушители общественного порядка» («Комсомольская правда», 14. 12. 1956, «Ленинградская правда», 13 и 14. 12. 1956, «Труд», 8. 1. 1957). В Московском университете в стенной газете «Трибуна» были допущены «заимствованные из буржуазной печати клеветнические выпады против советской власти» («Труд», там же), и во время венгерских событий университет из-за беспорядков был впервые с 1917 г. закрыт на день («Daily Telegraph», 26. 11. 1956). В Московском энергетическом институте «выскакивают с речами болтуны и демагоги» («Советская Россия», 19. 12. 1956). В Свердловске наблюдается недовольство среди выпускников-техников на Уралмашзаводе, а в Уральском государственном университете и Политехническом институте имели место «демагогические выступления отдельных студентов во время отчетно-выборных комсомольских собраний» («Советская Россия», 19 и 22. 12. 1956 г.). В Курске студенты задавали щекотливые вопросы («Курская правда»,

22. 1. 1957). В Воронеже нашлись «мелкобуржуазные индивидуалисты» («Медицинский работник», 15. 1. 1957). В Азербайджане появились демагоги и всякого рода критиканы («Партийная жизнь», № 22, 1956). Таких заметок, в чрезвычайно общей форме констатирующих факт принцициального несогласия молодежи с режимом, в советской печати за последние годы насчитываются десятки. 28 февраля 1957 г. было опубликовано постановление пленума ЦК ВЛКСМ, в котором содержалось признание полного провала всей идейно-воспитательной работы комсомола. А 26 марта «Комсомольская Правда», отступив от принятого в советской прессе шаблона, согласно которому всякий раз, когда упоминается отрицательное явление, подчеркивается его нетипичность, писала: «Речь должна идти не просто об устранении отдельных недостатков, а о решительном подъеме всей идеологической работы» (среди молодежи. — Д. Б.).

Приведенный выше материал, а также личные наблюдения позволяют нам сделать один предварительный вывод: советской власти не удалось воспитать поколение Павликов Морозовых, отношения между молодым поколением и властью складываются довольно определенные, молодежь недовольна властью, власть — молодежью. Советская пресса за последний год в десятках вариантов повторяет одни и те же слова: «Иные молодые люди еще не очень-то ценят настоящее» («Правда», 27. 8. 1957). Но установление этого факта в общей форме сразу вызывает ряд вопросов. Как могло недовольство возникнуть? Каковы его причины? В чем оно конкретно выражается? Каковы настроения отдельных групп? Имеет ли недовольство политический характер? Насколько оно глубоко? Насколько оно широко распространено? Что может противопоставить ему власть? Каковы перспективы дальнейшего развития отношений между молодежью и властью? В попытке ответа на эти вопросы мы и видим свою задачу в данной работе.

1

До 1956 г. не только среди коммунистов, но и среди людей, совершенно объективно оценивавших положение в странах за железным занавесом, было широко распространено мнение о предрасположенности молодежи тоталитарным режимам. Так, например, именно на этой точке зрения стоят авторы сборника «L'évolution de l'enseignement dans les démocraties populaires», изданного в Париже в начале 1956 г. Она складывалась не без неосознавае-

мого влияния коммунистической пропаганды, не устававшей устно и печатно, в художественной и нехудожественной форме убеждать как внешний мир, так и поработанные народы, что единственная мечта молодежи — это «пронести над всем миром красное знамя коммунизма и водрузить его на краю света» (К. Симонов, пьеса «Парень из нашего города»).

Во времена Сталина глубинные, происходившие в недрах общества процессы не выходили на поверхность. Никаких официальных данных о недовольстве молодежи за железным занавесом существующим порядком вещей не было. В то же время тысячи раз повторенные заявления симоновских парней вызывали почти подсознательное убеждение: здесь что-то есть. В результате истинное положение, в частности в СССР, оставалось, по выражению Кестлера, «наиболее удачно охраняемым секретом в истории». Две предпосылки — подчас не осознанное влияние советской пропаганды и отсутствие достаточной информации о том, что на самом деле происходит — лежат в основе концепции преданности большинства молодежи тоталитарному режиму. Но основным аргументом в ее защиту было то, что молодежь не имеет непосредственного опыта в другом образе жизни кроме коммунистического, «не знает ничего другого». Этот аргумент с торжеством приводился коммунистами и с грустью подтверждался противниками коммунизма. Надо сказать, что коммунисты, считая его неуязвимым, обманывались, очевидно, сами. Например, Ракоши в 1950 г. заявил: «Перевоспитание старшего поколения — дело исключительно трудное и длительное, требующее много времени и терпения. По сравнению с этим воспитывать молодежь много легче. Молодое поколение меньше связано обычаями и традициями прошлого». ¹ Ракоши здесь недооценивал влияние прошлого, влияние внешнего мира и, самое важное, влияние самой действительности тоталитарного государства, противоречащей всем требованиям, моральным и материальным, веками сложившейся человеческой природы. Одновременно он с характерным для коммунистов наивным рационализмом переоценивал значение воспитания. Но в ту же ошибку впадали, не зная истинного положения, и многие враги коммунизма. Так, например, авторы упомянутого выше сборника «L'évolution de l'enseignement dans les démocraties populaires» рассуждают следующим образом: молодежь за железным занавесом отрезана как от собственного прошлого, так и от свободного мира;

---

¹ Цитировано по „Neue Zürcher Zeitung“, 9. Dez. 1956.

поэтому и то, и другое должно представляться ей в виде «тьмы крошечной, где слезы и стон и скрежет зубовой», теперешний же режим является если не самим раем, то по крайней мере дорогой в рай. Здесь есть доля правды, и она в том, что в отличие от части старшего поколения, склонной идеализировать докоммунистическое прошлое, молодежь, во всяком случае в СССР, в общем отрицательно оценивает политическое и социальное прошлое страны и не стремится к восстановлению того, что было. Коммунистическая пропаганда именно потому так упорно настаивает на том, что конец советской власти будет означать «восстановление власти помещиков и капиталистов», что знает, с какой неприязнью относится все молодое поколение ко всяким реставраторским тенденциям. Однако тот факт, что молодежь не ищет общественных идеалов в государственно-политическом прошлом России, еще не означает, что она принимает официальную концепцию этого прошлого как состоящего с одной стороны из «черной реакции», а с другой из предшественников коммунизма.

Эта концепция сплошной «черной реакции» и предшественников коммунизма никак не вяжется с конкретным историческим материалом, содержащимся хотя бы в стандартном школьном учебнике истории (под редакцией Панкратовой), где при всех умолчаниях и фальсификациях подробно излагается, например, идеология декабризма и других освободительных движений, мало напоминающих коммунизм. Те мысли и настроения, которыми проникнута русская классическая литература, довольно тщательно изучаемая в средней школе, также оказывает свое «подрывное действие». Наряду с этой сознательной духовной традицией существует и полубезсознательная семейная традиция, и тысячи других нитей, тянущихся в прошлое. Недаром советская печать все время жалуется на «плохое воспитание в семье» («Советская культура», 18. 1. 1957). Таким образом вполне неверно, что молодежь в СССР оторвана от прошлого в том смысле, что она ничего или мало о нем знает, представляет его себе в виде «тьмы крошечной». Резко отрицательное отношение к политическому прошлому, объясняемое как тем, что это прошлое, объективно говоря, не было особенно светлым, так и тем, что темные моменты особенно подчеркиваются пропагандой, еще не означает принятия официального истолкования всего прошлого России. Советская власть в интересах престижа и для подтверждения тезиса, что коммунизм есть наследник всего лучшего в мировой культуре, а не новое варварство, вынуждена допустить знакомство с прошлым, одновременно вся-

чески перетолковывая его на свой лад. Но как ни перетолковывай письмо Белинского к Гоголю, «Воскресение» Толстого или «Былое и думы» Герцена, они достаточно красноречивы сами по себе. Литература прошлого оказывает на молодежь вдвойне подрывное влияние. Во-первых, она снабжает ее фактами, в свете которых ряд «социальных достижений» советской власти становится в высшей степени сомнительным. Материальный уровень чеховской деревни не ниже, если не выше уровня жизни современного колхозного крестьянства. Аналогия между прикреплением крестьян к земле и колхозников к колхозу путем лишения паспортов напрашивается сама собой точно так же, как и аналогия между полицейским произволом в старой и новой России; при этом в сравнении с энкаведистом царский жандарм кажется фигурой почти идиллической. Богатство и разнообразие дореволюционной русской культуры за любые сорок лет, примерно с 1800 г., по сравнению с советским сорокалетием есть общее место, фактически признаваемое, конечно, не из любви к истине, а из-за невозможности это скрыть. Обычный вывод, который делают из этого уже школьники старших классов, таков: очевидно, внешние условия развития культуры даже «при царе» были в каком-то отношении более благоприятны, чем теперь. Отсюда один шаг к мысли о духовной свободе. Во-вторых, русская классическая литература вносит в гармоничное коммунистическое воспитание идейно явно диссонирующие ноты. Герценовская концепция свободы или толстовское представление о равенстве и справедливости далеки от современной общественной практики не менее, чем от жизни прошлого. Социальная и моральная критика при сходстве внешних условий (контрасты, бедность и богатство, бесправие маленького человека перед лицом государства, произвол чиновников и полиции, лицемерие и т. п.) легко проецируется на советскую действительность. Наконец, правдоискательство, высокое уважение даже к совсем незначительному человеку, бунтарство и принципиальное разоблачительство русской литературы подают молодежи, с точки зрения прагматического, коллективного и конформистского советского воспитания, безусловно «дурной пример». Так устанавливается совсем нежелательная, с точки зрения режима, «связь с обычаями и традициями прошлого», которая с одной стороны тем активней, чем отрицательней отношение к предлагаемой коммунизмом на практике системе ценностей, а с другой стимулирует возникновение критического отношения к действительности путем внесения в образование совершенно чуждых тоталитаризму элементов. Представление об оторванности молодежи

от прошлого и об отрицательном ее к нему отношении в таком общем виде, следовательно, является неправильным.

Но может быть верна другая сторона выдвигаемого в упомянутом выше сборнике тезиса об изолированности молодого поколения за железным занавесом, а именно утверждение о его почти полной оторванности от Запада? Российский шовинизм последних сталинских лет распространялся буквально на все области знания, включая и технику, охватывая как прошлое, так и настоящее. Приоритет во всех достижениях мировой культуры и цивилизации за последние двести пятьдесят лет приписывался русским. Говорить о влиянии Запада на Россию считалось преступным, зато обратное влияние, было оно или не было, изыскивалось с невероятным упорством. Величайшим мыслителем XVIII века оказался Радицев, изобретателем самолета — Можайский. Упомянуть в диссертации иностранные источники, хотя бы по астрономии, стало небезопасным; попытки ввести то или иное техническое усовершенствование, заимствованное из иностранного журнала, были связаны с риском навлечь на себя обвинение «в преклонении перед иностранщиной». Как и все сталинские мероприятия в области культуры, «борьба с космополитизмом» организационно велась с большим успехом уже хотя бы потому, что против официальных установок никто не смел возражать. В результате, уровень конкретных знаний о Западе, особенно среди молодежи, резко понизился, но сверхзадача всей кампании — оторвать Россию от ее европейского прошлого, убедить русский народ, что на Западе нет и никогда не было ничего ценного, а Россия есть и всегда была основной, если не единственной, носительницей культуры и цивилизации — эта сверхзадача, цель которой состояла в подготовке народа к войне против Запада с целью его уничтожения, с самого начала оказалась невыполненной. Борьба с «преклонением перед иностранщиной», доходившая до таких нелепостей, как замена общепринятой французской кулинарной терминологии русско-патриотической (например, салат Оливье был переименован в «столичный»), вызывала к себе ироническое отношение и служила неистощимой темой для шуток и анекдотов. Слишком уже не вязалась новая точка зрения с прочно укоренившимся в народе представлением, что Россия, по крайней мере в смысле материальной цивилизации, — страна отсталая и что цель ее «догнать и перегнать» Западную Европу и Америку. Одновременно все западное приобретало привлекательность запретного плода и Запад обрастал легендой. Появлявшиеся на улицах советских городов иностранцы одним своим внешним видом произво-

дили впечатление людей из другого мира; американские автомашины казались межпланетными кораблями. Стоило им остановиться, как вокруг них собиралась толпа. Старые номера журнала «Америка» зачитывались до дыр. Несмотря на заглушение, а одно время и опасность ареста, люди постоянно слушали западное радио. Услышанное и прочитанное передавалось из уст в уста, становясь полусказкой; например, до молодой колхозницы из деревни Бехово, Тульской области, неизвестно какими путями дошел слух, что у всех американских женщин по восемь пар туфель, что у каждого американца есть автомобиль и что американские крестьяне живут все на хуторах и едят не картошку, а каждый день хлеб с маслом. В столицах задолго до смерти Сталина молодежь начала увлекаться запретным американским джазом и пыталась подражать заграничным модам. Среди молодой интеллигенции на вес золота ценились полузапретные переводы произведений современной литературы, издававшиеся в двадцатых и тридцатых годах, сложился настоящий культ Хэмингуэя и Андре Жида. Чем тяжелей становилась жизнь в последние сталинские годы, тем сильнее оказывались, несмотря на истерическую пропаганду ненависти, тайные симпатии к Западу — иному и, может быть, более счастливому миру. Но если интерес к Западу был большой, то осведомленность часто была обратно пропорциональной интересу, особенно среди менее культурных слоев молодежи. Широкая публика в 1948—1954 годах была отрезана от всех источников информации о свободном мире. Ей сообщалось, в соответствии с теорией «загнивания капитализма», что в «капиталистических странах» царит перманентный кризис, происходит постоянный социальный, культурный и технический регресс, никакое движение вперед невозможно. В Большой Советской Энциклопедии к статье об американском сельском хозяйстве приложена фотография, на которой современный американский фермер изображен вспахивающим поле с помощью одноконного плуга. Общим местом статей об американской литературе было утверждение, что, если со времени «Джунглей» Эптона Синклера жизнь рабочего и техника в США изменилась, то в худшую сторону. Вся современная культура не только Западной Европы и Америки, но и некоммунистической Азии объявлялась без разбора «буржуазным декадансом и разложением» и тщательно замалчивалась, за исключением наиболее грубых агиток, выходивших из-под пера коммунистов. Подлинные произведения искусства, создаваемые членами европейских компартий, восхвалялись чрезвычайно общими выражениями в различных статьях, но советскому читателю ос-

тавались недоступны. Достаточно сказать, что в СССР до сих пор нет сборников стихов Поля Элюара; пьесы Бертольда Брехта были впервые изданы летом 1956 г., и ни одна из них ни разу за послевоенные годы по-русски не ставилась; философские произведения Сартра и основная масса его пьес (кроме антиамериканской «Лиззи Мак Кэй» и просоветской «Только правда») также не переводились. Но психологический эффект культурной изоляции России сказался совсем не таким, какого ожидал Сталин. Кое-что все-таки проникало в страну через указанные выше источники, и из этих крох многие создавали себе картину Запада, некоего желанного мира, противоположности их собственной тусклой жизни, по образу и подобию своему, вплоть до полууголовных элементов (спекулянтов и пр.), в полном соответствии с советской пропагандой считавших США страной гангстеров и темных политиканов и преклонявшихся именно перед такой Америкой. Нельзя сказать, что гигантская пропагандная машина работала совсем вхолостую, но коэффициент ее полезного действия был сравнительно невелик. Во-первых, предлагаемая ею картина Запада противоречила рассказам миллионов людей, видевших его во время войны своими глазами; во-вторых, в постоянных сопоставлениях «капиталистического мира» и СССР «советская часть» была явно ложной, что естественно заставляло сомневаться в правильности информации о Западе; в-третьих, сообщения из-за границы были часто очень неконкретными («голод, страх, нищета, безработица»), что также вызывало к ним недоверие; в-четвертых, налицо был интерес к «запретному плоду». В силу этого даже та часть молодежи, которая была обманута пропагандой, не могла не сомневаться в правильности своих представлений.

Наследники Сталина признали фактический провал политики российского шовинизма и в течение 1953—1954 гг. фактически ее отменили. Таким образом, для молодежи опять открылась возможность ознакомления с Европой, Америкой и Востоком; весь вопрос только в том, в какой мере это возможно, так как пределы ознакомления в разных областях разные.

В области культурного наследия (примерно все, созданное до 1900 г.) положение почти нормальное. Европейско-русские связи и взаимоотношения снова признаются. Западноевропейские и восточные литературные и философские классики, издание которых в период 1948—1954 гг. было сильно сокращено, а также и не получившие всеобщего признания авторы, в тот период вовсе не издававшиеся, теперь печатаются большими тиражами, при этом нередко и на языке оригинала.

Отсутствие литературы для развлечения (детективные романы, иллюстрированные журналы и т. п.) и непривлекательность советской художественной литературы приводят к тому, что в СССР классика (русская и иностранная) и вообще старая литература читается больше, чем в других странах, и расходуется огромными тиражами. Влияние иностранной классики на молодое поколение в общем аналогично влиянию классики русской, с той лишь разницей, что здесь еще прививается уважение к той самой «буржуазной» Европе, которая, согласно официальной доктрине, подлежит уничтожению.

В области техники и естественных наук знакомство с достижениями Запада властями не только поощряется, но и форсируется. Технические и научные иностранные журналы, недоступные в сталинское время студентам и рядовым работникам, теперь легко можно получить во всех среднего размера библиотеках. Английский язык усиленно изучается во всех вузах. Огромный Институт научной информации (1 500 штатных и 10 000 внештатных работников) и десятки других учреждений занимаются переводом и популяризацией иностранной литературы. Все это необходимо режиму потому, что современная наука и промышленность требуют кадров, знания которых не могут быть ограничены достижениями в пределах одной страны. Шовинизм в области культуры привел СССР к отсталости в ряде важных отраслей (архитектура, счетные машины, автомобилестроение и т. п.). Однако политические последствия восстановления интернационального характера советской науки для режима самые неблагоприятные. Студентам, овладевшим английским языком, нельзя помешать читать и неспециальную литературу и слушать иностранное радио. Несовместимые с догматическим «диалектическим материализмом» философские и научные истолкования, содержащиеся в иностранной научно-технической литературе, представляют собой, по признанию советской печати, «один из главных источников проникновения буржуазной идеологии в нашу страну» («Партийная жизнь», № 22, 1956 г.).

Но главное в том, что факт огромного научного и технического прогресса, сам по себе производящий большое впечатление, никак не совместим с теорией «загнивания капитализма». Как только этот прогресс стал через специальную литературу известен широким массам интеллигенции в СССР (в том числе и студенческой молодежи), партийная пропаганда была вынуждена отступить от простого и ясного тезиса о всеобщем регрессе и хаосе в капиталистическом мире и заменить его мало убедитель-

тельным положением, что, несмотря на общий кризис, все-таки возможны «отдельные успехи» на «отдельных участках». Всем, однако, ясно, что речь идет не об «отдельных успехах», а о стремительном движении вперед. Из этого неизбежен вывод, что капитализм в его современной форме не препятствует развитию производительных сил; таким образом отпадает один из основных ленинско-сталинских доводов в пользу его насильственного свержения, т. е. дискредитируется идеологическое оправдание советской экспансии. Распространяя технико-научную литературу, советское правительство оказывается перед неразрешимой дилеммой: запретить — значит вызвать техническую отсталость; разрешить — значит окончательно подорвать в глазах и без того критически настроенной студенческой молодежи одно из основных положений ленинизма-сталинизма.

В области современной культуры возможности молодежи, живущей в больших университетских и столичных городах, и молодежи провинциальной неодинаковы. В то время как провинциальной молодежи доступно только то, что публикуется в СССР, столичная и университетская может, примерно с середины 1955 г., пользоваться и рядом иностранных изданий, читая их в библиотеках. Здесь можно теперь получить почти все крупные заграничные журналы и прочую периодику, а также и книги по истории, философии, литературе, искусству и т. п. (кроме изданий на русском языке). Напомним, что в 1953 г. даже не все коммунистические издания выдавались широкой публике. Но и в советских изданиях стали появляться произведения, переносящие русского читателя в мир идей, существенно отличающихся от официальной идеологии, а часто и представляющие жизнь на Западе совсем по-другому, чем обычная пропаганда. Достаточно сказать, что только в 1956 г. впервые после войны были опубликованы на русском языке Хемингуэй, Сароян, Фолкнер, Грэхем Грин, Конрад, Мориак, Моравиа, Ремарк, Белль и многие другие. В специальных философских, исторических, экономических журналах введены обзоры выходящей в свободном мире литературы. Большое влияние оказывают на молодежь иностранные фильмы, главным образом французские и итальянские, с их общегуманистической идейной направленностью и показом быта, во многом отличающегося от советского и часто более привлекательного. Наконец, в последнее время исполняется по радио и на концертной эстраде и современная музыка. Конечно, далеко не все, того заслуживающее, становится известно широкой публике в СССР. Для перевода художественной литературы, например, отбираются произведения, в которых сильна

критическая тенденция по отношению к действительности свободного мира. Но необходимо осветить вопрос, что критикуется в западной литературе и с каких позиций. Гриновская критика «принципиальной жестокости» с точки зрения «беспринципного» гуманизма и терпимости приложима к советской действительности еще в большей степени, чем к тем ситуациям, которые описывает Грэхем Грин. Таким образом, и в области современной культуры мы не можем больше говорить о полной изоляции советской молодежи. О том, как относится молодежь к современной западной культуре, мы скажем дальше; здесь важно лишь установить факт, что она имеет к ней доступ в известных пределах и что эта культура оказывает на молодежь вполне определенное влияние.

В области политико-социальной положение, пожалуй, самое трудное. Правда, почти все газеты и журналы на иностранных языках, как мы заметили выше, выдаются теперь в больших библиотеках; передачи иностранного радио, несмотря на заглушение, слушаются очень и очень многими; каждый месяц продается 50 000 экземпляров журнала «Америка», несмотря на свои недостатки все-таки снабжающего русского читателя кое-какой информацией; югославские и польские газеты, которые значительно содержательнее советской прессы, быстро раскупаются и, несмотря на огромные языковые трудности, читаются; то, что сообщают о жизни за границей побывавшие там корреспонденты, как, например, зять Хрущева Аджубей, написавший об Америке книгу под заглавием «Серебряная кошка», — это уже не одна сплошная мазня черным по черному. В советских газетах и журналах с 1955 г. стали появляться статьи, сравнительно объективно освещающие жизнь за рубежом, умалчивающие кое о чем, но и не лгущие. Но в основном советские источники все еще преподносят читателям в лучшем случае полуправду, искусно смешанную с ложью. В области внешней политики этой лжи («американские империалисты хотят войны»), пожалуй, больше, чем в других областях. Все социальные достижения Запада замалчиваются и отрицаются. Ведутся бесконечные разговоры о «нищете и несправедливости трудящихся», о «господстве Уолл-стрита», о том, что все достижения техники идут исключительно на пользу монополистам, что социология на Западе погрязла в обскурантизме и недобросовестной апологетике. Таким образом, в смысле получения социально-политической информации молодежь, точнее ее основная, недостаточно свободно читающая на иностранных языках масса, все еще находится в невыгодном положении. И все-таки и здесь нельзя говорить о

полной оторванности от Запада. Недаром газета «Труд» от 8. 1. 1957 г. пишет о «студентах, попавших под влияние буржуазной пропаганды», недаром «Коммунист», № 1 за 1957 г., говорит о «всем надоевшей (т. е. всем известной. — Д. Б.) басне о народном капитализме». Из стран-сателлитов просачиваются в СССР идеи реформизма, идейного и политического ревизионизма, которые находят в стране особый отклик ввиду сходства ситуаций. Главное, однако, в том, что та все-таки значительная политико-социальная информация, которая, несмотря на все, проникает в страну, встречается с доверием, запоминается и распространяется. Один эмигрант 1957 года, старший лейтенант, резюмировал положение так: «Если бы завтра «Голос Америки» стал врать и только врать, ему бы все равно продолжали верить».

Мы попытались показать, что молодое поколение в России не изолировано ни от прошлого, ни от настоящего остального мира. И хотя оно действительно не имеет непосредственного опыта в другом образе жизни, кроме коммунистического, это не значит, что оно «ничего другого не знает». А то, что оно знает, оно не только понимает, но даже и идеализирует, ибо существующее слишком невыносимо. СССР — не орвэлловская Океания. Партия не в состоянии отгородить ее полностью от соприкосновения с внешним миром и тем больше от соприкосновения с прошлым. И если верна орвэлловская формула «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим», то будущее определенно принадлежит не партии. Основной аргумент — молодежь должна быть предана тоталитарному режиму, потому что не знает ничего другого — мы, в силу всего вышесказанного, считаем глупо-бо неверным.

2

Второй аргумент, обычно приводимый в защиту тезиса о преданности молодежи тоталитарному режиму, это воспитание ее в соответствующем духе. Об этом говорил Ракоши (см. выше), говорит и уже упоминавшийся сборник «L'évolution de l'enseignement dans les démocraties populaires». Как Ракоши, так и авторы сборника понимают под воспитанием обработку особым образом препарированным марксизмом. О том, насколько такое воспитание соответствует действительным, а не декларированным на словах целям режима, мы попытаемся в дальнейшем установить. Остановимся пока на другой точке зрения, высказанной польским писателем Чеславом Милошем (Czeslau Milosz) в его

книге «Плененный разум» (Verführtes Denken, Köln 1953). Милош говорит не о воспитании словом, а о воспитании делом, тоталитарной действительностью, развивающей в человеке совершенно особые качества. Он пишет: «Человеческие слабости, как, например, стремление улучшить свою собственную судьбу за счет своего ближнего, превращают этику, главная мысль которой сотрудничество и братство (речь идет о марксистской этике. — Д. Б.), в этику такой борьбы всех против всех, что только наиболее ловкие люди имеют шанс достичь успеха в этой борьбе. Вероятно, это другой тип человека, чем тот, который возвысился в борьбе за деньги в начале индустриального капитализма... Пятьдесят или сто лет воспитания по таким принципам могут образовать такой тип более примитивного человека, для которого не будет больше никакого возврата назад (к ступеням, ранее достигнутым. — Д. Б.). «Новый» человек вовсе не является больше постулатом, он уже близок к тому, чтобы стать действительностью» (стр. 84).

В этом, внешне очень логическом, рассуждении Милош, как нам кажется, не учитывает двух факторов. Во-первых, разлагающего влияния на тоталитаризм пусть выхолощенной, но все-таки прокламируемой «этики сотрудничества и братства», во-вторых (и это основное), он не учитывает совершенно особого характера коммунистического общества, заставляющего все сравнения с ранним капитализмом хромать уже не как им полагается, «на одну ногу», а на обе ноги. Дело в том, что общество в период формирования капитализма было свободным, не в смысле политической свободы, а в смысле отсутствия идеократии и единой всеобъемлющей организации, направлявшей все процессы общественной жизни. Таким образом, каждому индивиду, в зависимости от склонностей, способностей, а также, часто, и случайности рождения (бедность—богатство), представлялась возможность самостоятельно, свободно, именно как личности выдвигнуться, проявить себя в торговле, промышленности, культуре (вспомним дореволюционную Францию XVIII века), частично в политике. Человеческий тип раннего капитализма, для которого уже не было возврата к средневековью, был, следовательно, разнообразен и многогранен; разным людям были открыты разные пути, а каждый отдельный человек, не говоря «да» всему сущему, в то же время и не отрицал его безоговорочно и полностью, не становился ниспровергателем основ. Достаточно сказать, что даже радикальные энциклопедисты думали главным образом о политической перестройке общества и лишь частично о перестройке его социальной структуры. В отличие от этого, тотали-

тарное общество несвободно. Оно — идеократия сверху до низу, во всех областях бюрократическая организованность и направляемость. Разным людям в нем открыт лишь один путь наверх, в элиту — через бюрократическую машину, организованную в виде партийного аппарата. Независимая, свободная, личная деятельность в промышленности, торговле, культуре не приводит ни к чему. «Техническая интеллигенция», будто бы разделяющая с партией власть, в действительности пользуется лишь материальными привилегиями, сравнительно значительными, но абсолютно — ничтожными. Она связана по рукам и ногам, и только на самых верхах, где она сливается с партаппаратом,² приобретает некоторую свободу действия. Герой романа Дудинцева «Не хлебом единым» изобретатель Лопаткин слеплен из той же глины, что и Эдисон, например. В свободном обществе он после положенного «страстного пути» — кандидат в высшую элиту. В тоталитарном обществе он, пройдя весь этот путь, получает всего лишь лабораторию, да и то благодаря счастливой случайности, а в ней он продолжает зависеть от тех же бюрократов, которые восемь лет мешали ему и с ним боролись. Таким образом, тоталитарное общество предоставляет простор лишь одному человеческому типу — типу чиновника, типу «мужика-аппаратчика», достаточно подробно описанному у Кестлера, Дудинцева, Гранина и др.

«Новый человек» — это функционер, функционер во всех областях — от торговли до философии. Он несамостоятелен, приобретает значение только как часть аппарата и заинтересован не столько в порученном ему деле, сколько в продвижении по служебной лестнице. На это направлена его энергия, в этом заключаются его способности. В рассказе Гранина «Собственное мнение» описан некто Локтев, «злое ничтожество», человек с пустым, каким-то позавчерашним лицом», который тем не менее умеет быть тем, что он есть — инструктором райкома партии — и в силу этого распоряжается крупными учеными, человеческими судьбами, изобретениями. Это и есть подлинные хозяева тоталитарного режима. Это для них «нет пути назад». Милош прав: тоталитарная действительность воспитывает особый тип людей, только в пределах ее и возможный. В СССР «новый человек» давно уже стал реальностью. Но этот «новый человек» в отличие от человеческого типа, созданного ранним капитализмом, одинок. Элита коммунистического общества психологичес-

---

² Например, директор Уралмашзавода Глебовский — одновременно кандидат в члены ЦК КПСС.

ки различия от элиты раннего капитализма прежде всего тем, что она чрезвычайно однородна, включает в себя людей, обладающих лишь вполне определенными склонностями и способностями — быть частью бюрократического аппарата. Контролируя все общество политически, экономически и духовно, она способна осуществить свои стремления значительно полнее, чем все ранее существовавшие господствующие классы. Поэтому мера притяжения действительности каждым ее членом больше той, которая характерна для нетоталитарных элит, и граничит с «да» всему существу, с полным конформизмом. В то же время тоталитарная элита очень узка не только численно, но и психологически. Всякому, кто не может или не хочет стать функционером — от торговца «по призванию» до художника «по призванию», все пути наверх, все возможности к свободному самопроявлению закрыты.³ Поэтому круг противников тоталитаризма очень широк и при этом включает в себя наиболее способные к конструктивному созиданию элементы общества, враждебно относящиеся к их превращению в простой «человеческий материал»⁴ в руках бюрократии. А поскольку бюрократия в тоталитарном государстве (в ее целостности) — это одновременно политическая олигархия, плутократия и идеократия, постольку и отрицание ее власти распространяется на все области человеческой деятельности и по характеру своему чрезвычайно радикально. Следовательно, воспитание коммунистической действительностью двойственно по своему характеру: с одной стороны всплывает на поверхность сравнительно узкая каста тоталитарных властителей-функционеров, «новых людей», которые в целиком бюрократически организованном обществе могут быть только чиновниками, с другой стороны все, что неспособно стать функционером, превращается в очень широкую и радикальную оппозицию. Второй стороны этого процесса Милош не заметил. Поэтому его книга, написанная всего несколько лет назад, несмотря на весь блеск характеристик, полна неверных прогнозов в отношении будущего, прежде всего в отношении так хорошо знакомой ему польской марксистской интеллигенции. Милош считал, что она будет развиваться в направлении все большего конформизма. События 1956 года показали, что это не

---

³ См. рассказ Даниила Гранина, Собственное мнение, «Новый мир» 9, 1956, на немецком яз. — „Osteuropa“ 5, 1957; повесть Некрасова, В родном городе.

⁴ Ср. постоянные жалобы советской печати на «кризис кадров», низкий уровень литературы, отсталость в ряде невоенных отраслей техники и т. п.

так. Точно так же и позиция советской молодежи по отношению к власти определяется прежде всего воспитанием тоталитарной действительностью. Именно оно объясняет особую восприимчивость значительной части молодежи к прошлому и к «буржуазной идеологии» и невосприимчивость ее к «коммунистическому воспитанию», или, точнее, восприятие этого воспитания совершается совсем не в том духе, не так, как этого желают воспитатели.

Коммунисты, как последовательные рационалисты, вообще переоценивают значение сознательного воспитания. Они считают, что молодое поколение есть *tabula rasa*, которую только остается произвольно заполнить соответствующими значками. Но в особенности переоценивают они значение и качество воспитания в своем собственном обществе. Между тем, несмотря на все попытки отгородить молодежь от внешних «чуждых влияний», оно совсем не так эффективно, как принято считать. Дело в том, что коммунистическое воспитание внутренне глубоко противоречиво. Между проповедуемой им «этикой братства и сотрудничества», прокламированным освобождением человечества в качестве конечной цели, и действительностью непроходимая и с каждым годом все расширяющаяся пропасть. Молодежь приучают быть особенно внимательной к общественным явлениям, общественной несправедливости, общественным противоречиям. При этом утверждается, что общественная несправедливость и «антагонистические противоречия» — дело прошлого. Но даже знакомство с советским обществом на основе ограниченной личной практики, не говоря уже о попытках теоретически осмыслить происходящее, не может не навести на мысль, что между несправедливостью «нового» и «старого» общества слишком много общего. Одни замечают это уже на школьной и университетской скамье, другие — начав практическую деятельность. Но трудно не заметить противоречия между декларациями о «бесклассовом обществе» и «освобождении человечества», с одной стороны, и привилегированным положением советской верхушки, бюрократическим произволом, эксплуатацией рабочих и интеллигенции на производстве, бедностью крестьянства — с другой. Следовательно, между коммунистической действительностью и принципами коммунистического воспитания существует противоречие, значительно снижающее его влияние на воспитываемых. Цель режима — внушить молодежи, что все, что помогает советскому строю, хорошо, а все, что не помогает, плохо. Воспитание же внушает ей в самом общем виде, что все, что помогает освобождению человечества,

хорошо, а, что не помогает, плохо. Режиму, таким образом, приходится, прибегая к сложным семантико-диалектическим трюкам, отождествлять себя с силой, призванной к освобождению человечества. По мере того, как контуры неоклассового общества в России вырисовываются все яснее и яснее, делать это становится все труднее и труднее. Пример: в СССР бюрократически-полицейскому произволу все чаще противопоставляется лозунг свободы. Журнал «Коммунист», № 1 за 1957 г., пишет: «Не секрет, что у нас кое-кто пробавляется схоластическими, абстрактными рассуждениями на тему о «демократических свободах» вообще». Что же может противопоставить официальный теоретический орган ЦК этим рассуждениям? Во-первых он пугает призраком реставрации: «Но можно ли забыть, что именно буржуазия всегда отличалась умением наряжать свою хищническую идеологию в гуманистические одежды свободы, равенства и братства?» Пугало это, действительное в первые революционные годы, давно потеряло всякий смысл, так как никакой «буржуазии» в СССР давно уже нет. Во-вторых, «Коммунист» пытается дать собственное определение свободы. Оказывается, «лозунг» свободы означает свободу эксплуатации, а истинная свобода — это свобода от эксплуатации», каковая возможна лишь на основе «диктатуры пролетариата». Поэтому все, что этим именем называется, и есть подлинная свобода, конкретным содержанием которой, по мнению журнала, «является развитие творческой инициативы и активности трудящихся в строительстве новой жизни». Но все большему числу людей становится ясно, что то, что называется «строительством новой жизни», есть труд на пользу правящей бюрократии, именующей себя «диктатурой пролетариата». Если учесть это, то приведенное выше рассуждение приобретает весьма циничный смысл: свобода трудящихся, т. е. всего населения СССР, в том, чтобы проявлять инициативу, направленную на усиление эксплуатации их самих. Таким образом, попытка «Коммуниста» поставить знак равенства между советским режимом и свободой окончилась неудачей. А поскольку попытки советской власти отождествить свою деятельность с конечными целями марксистской программы остаются безуспешными, постольку коммунистическое воспитание оказывает на молодежь воздействие, как раз обратное желаемому. Представление о том, что все, что помогает режиму, хорошо, а все, что враждебно ему, плохо, в этом случае повисает в воздухе, теряет свое историческое и, главное, моральное оправдание.

Итак, удивительная на первый взгляд невосприимчивость к воспитанию, которую уже доказала в историческом действии венгерская и польская молодежь, а частично и молодежь СССР, объясняется, во-первых, противоречием между целями, которые оно себе ставит (сделать молодежь верной режиму в его современном виде и полностью конформистской), и принципами, на которых оно основывается (марксизм с его социально-критическими, морализаторски-эгалитарными и революционными тенденциями); во-вторых, влиянием тоталитарной действительности, вызывающей, несмотря на видимость унификации („Gleichschaltung”), не «монолитное единство вокруг партии и правительства», а резкое расслоение молодежи на руководителей-функционеров и так называемую «массу», которой тоталитарный режим по описанным выше причинам закрывает путь «наверх» или просто к спокойной и приличной жизни, толкая ее тем самым в оппозицию. Поддаться воспитанию означало бы для «массы» отказаться от слишком многого. Индивидуальная свобода, возможность исполнения желаний, следования естественным склонностям, выбора путей, сведена до такого минимума, когда даже самые нечувствительные начинают почти физически болезненно воспринимать несвободу. Нонконформизм, бунтарство, посягательство на общественные устои, цинизм, пассивность, недовольство — все это при тоталитарном строе становится уделом тех, кто в демократических или даже просто в нетоталитарных странах был бы законопослушным, верноподданным гражданином, так как рамки тоталитарного конформизма крайне узки, он требует от человека слишком больших жертв.

Мы видим, следовательно, что и второй аргумент в защиту тезиса преданности молодежи тоталитарному режиму — «молодежь воспитывают в соответствующем духе, поэтому она должна быть предана режиму» — неверен точно так же, как неверно и то, что молодое поколение «не знает ничего другого». В дальнейшем мы попытаемся показать, какие в действительности складываются отношения между советской властью в ее современной форме и теми, кому принадлежит будущее страны — советской молодежью.

3

Официальное требование советской власти к молодежи ясно и кратко выражено в лозунге: «Жертвовать личным ради общественного» (при этом под «общественными» понимаются те

требования, которые режим в данный момент предъявляет к молодежи). Официальный этический идеал — это «герой труда», готовый самоотверженно работать, где и как прикажут, пренебрегая своей семьей, работать ради «процесса труда», не думая о вознаграждении, отнсясь к естественным человеческим чувствам и потребностям как к досадной необходимости. 23 марта 1957 г. московское радио в передаче для молодежи рассказало об идеальном комсомольце, о молодом человеке, каким хотела бы видеть его диктатура. «Комсомол зовет на шахты Донбасса. Я пойду!» — говорит герой очерка. «Не возражаю», — отвечает его отец, — «раз зовут — значит надо». И кончается очерк следующими словами героя: «Знаю одно. Что для родины нужно — значит закон».

Под такой идеал, идеал человека, знающего только одно — радость подчинения, советская власть пытается подогнать всю молодежь — от будущих подсобных рабочих до будущих академиков. Этот идеал есть естественное следствие насильственной индустриализации, естественное следствие того положения вещей, когда целью производства становится само производство, а не человек-потребитель. При таких условиях, кто готов «много работать и мало кушать» — «герой», а кто требует за свой труд справедливого вознаграждения — «рвач».

Главным в официальном этическом идеале является требование жертвы и подчинения во всем, в большом и малом. «Сознательный советский человек» должен выбирать профессию не в соответствии со своими склонностями, а в зависимости от того, что больше нужно государству. В тридцатые годы были нужны технические кадры, и десятки тысяч молодых людей «бросили на технику». Сейчас, наоборот, нужны просто рабочие руки, и людей, окончивших десять классов, заставляют работать слесарями на заводах и свинарками на фермах. Между тем высшее образование в СССР есть вопрос не только социального престижа, не только обязательная предпосылка карьеры, но и почти единственный путь обеспечить себе и своей семье сколько-нибудь приличный жизненный уровень: «простая работа» оплачивается исключительно плохо, чем прежде всего и объясняется нежелание молодежи браться за нее. Далее, «молодой строитель коммунизма», согласно предписанным ему нормам поведения, даже и помышлять не должен о самостоятельном выборе места работы. Он должен просто безропотно, но с энтузиазмом бросать семью, невесту, друзей, все жизненные удобства и ехать на целинные земли или в Сибирь на новостройки, где ему при сорокаградусном морозе придется

жить в «палатке, которую так продувает, что никакие печи не могут удержать тепла» («Комсомольская правда», 8. 3. 1957). Любой специалист, окончивший вуз или техникум, оторвавшись от привычной среды, отказавшись от выгодных предложений, обязан ехать на три года на работу по назначению, куда пошлют. В противном случае ему не выдают на руки диплома, передают суду и наказывают шестью месяцами принудительных работ. «Жертвовать личным ради общественного» означает далее отказ от права распоряжаться своим досугом. Идеальный комсомолец должен быть всегда готов после рабочего или учебного дня взяться за так называемую общественную работу. Для студентов Московского университета, например, она долгие годы состояла в том, чтобы разъяснять полуголодным и живущим в бараках строительным рабочим, какое для них счастье быть гражданами первого на свете пролетарского государства. В каждую избирательную политическую кампанию миллионы людей по всей стране тратят десятки тысяч дней своего времени на то, чтобы убеждать друг друга в преимуществах «социалистической системы» или в мудрости очередного мероприятия партии и правительства. Бесконечные советские собрания вошли в поговорку. Кроме пропаганды «общественная работа» может состоять в неоплачиваемом воскресном труде. Во время строительства нового стадиона в Москве, в Лужниках, десятки тысяч студентов по воскресеньям работали на строительной площадке. Наконец, даже в сфере отношений между ползми советская молодежь не свободна от навязывания ей определенных принудительных правил. Она и здесь обязана чувствовать прежде всего свои обязанности перед обществом, а обязанности эти заключаются в том, чтобы жениться и воспитывать семью, а не тратить время на «бесполезный флирт». Итак, за требованием «жертвовать личным ради общественного» по сути дела скрывается тенденция тоталитарного режима контролировать и организовывать жизнь и деятельность молодого поколения исключительно в интересах власти. Такая тенденция не может не встречать сопротивления со стороны «организуемых». Сопротивление это преодолевается двумя путями: давлением по комсомольско-«общественной» линии и административными мерами.

Комсомольцев в СССР ныне больше 19 миллионов. Это значит, что значительная часть молодежи соответствующего возраста состоит в комсомоле. В высших учебных заведениях процент комсомольцев, как правило, выше девяноста. Официальная задача комсомола — «коммунистическое воспитание моло-

дежи». Фактически эта задача давно уже отступила на второй план перед другой, более важной: комсомол является важнейшим средством принуждения молодежи к неукоснительному следованию распоряжениям власти. Дело в том, что плохая комсомольская характеристика, выговор в личном деле или исключение из ВЛКСМ сразу закрывают перед провинившимся ряд путей, серьезно мешают его карьере. Поэтому многие готовы пойти на значительные жертвы, чтобы только избежать «неприятностей по комсомольской линии». Так, например, в «общественной» и воскресной работе большинство принимает участие, главным образом, из страха давления через комсомол. При этом до применения конкретных мер дело доходит сравнительно редко. Достаточно потенциальной угрозы «товарищеского разговора» на комсомольском бюро или собрании, чтобы заставить людей отказаться от значительной части свободного времени. Этой угрозы часто бывает достаточно и для того, чтобы вынудить выпускников высших и средних технических учебных заведений подписать назначение на три года в отдаленную местность. Отъезд в провинцию из большого города в советских условиях означает не только отрыв от родных и привычной среды. Он означает также и резкое снижение жизненного уровня. В деревнях и маленьких городках даже при наличии денег нельзя достать товары первой необходимости, как сахар или масло. На волжские пристани люди съезжаются за десятки километров, чтобы в буфетах проходящих пароходов купить хоть немного сахара или мясных консервов. Кроме того, в провинции нет почти никаких развлечений. И тем не менее основная масса выпускников предпочитает три года провинциальной жизни исключению из комсомола или строгому выговору, закрывающим все дороги для дальнейшей карьеры и обрекающим на безработицу.⁵ К тем же, кто, несмотря ни на что, отказывается покинуть большой город, применяются как давление со стороны комсомола, так и другие меры. Судьбу их можно проиллюстрировать на примере Л., несколько лет тому назад окончившего Московский университет. В ответ на предложение комиссии по распределению молодых специалистов поехать в Читу он ответил: «Чита мне не чета». Л. исключили из комсомола, а дело его передали в суд, который приговорил Л. к шести месяцам принудительных работ. Образованный историк Л. грузил вело-

---

⁵ Конечно, некоторые едут на периферию и добровольно, как, например, геологи или инженеры некоторых профессий, рассчитывающие сразу получить там большую самостоятельную работу и вернуться через несколько лет в центр уже специалистами с именем.

«сипеды на фабрике и исполнял другую подсобную работу. Лишь через три года ему выдали диплом и ему удалось устроиться учителем в школу.

Сочетание комсомольского давления и административных мер является обычным в таких сравнительно серьезных случаях, как описанный выше. Точно так же проводилась вербовка заводской молодежи на целину. Тех, кто отказывался ехать, вызывали в комитет комсомола. Там им объясняли, что комсомол есть авангард советской молодежи, а они, очевидно, еще недостаточно сознательны, чтобы к этому авангарду принадлежать, а потому на ближайшем собрании будет поставлен вопрос об их исключении. На следующий день молодого человека вызывал к себе начальник цеха или директор предприятия и объявлял ему, что в случае исключения из комсомола он будет уволен с завода. В результате квалифицированный рабочий вынужден подчас превращаться в «целинника». При обсуждении дела о так называемом морально-бытовом разложении, связанного обычно с отношениями между полами, все, как правило, ограничивается комсомольскими взысканиями и требованием завершить «грехопадение» законным браком, но иногда доходит и до репрессий. Так, например, одна из студенток МГУ, Нана Гришко, была исключена из университета по обвинению в разврате. Не трудно себе представить, как болезненно действует обсуждение сугубо личных дел перед широкой аудиторией на большинство молодых людей. Поэтому все любовные связи обычно тщательно скрываются.

Следовательно, мы видим, что, прикрываясь лозунгом «жертвовать личным ради общественного», советская власть стремится прежде всего вмешиваться в частную жизнь молодежи и нарушать ее нормальное течение. Для молодого поколения это основное требование советского конформизма принципиально неприемлемо, так как оно означает прежде всего отказ от права строить жизнь по собственному усмотрению, распоряжаться своей судьбой; практически же этому требованию приходится подчиняться. Такое положение вещей не может не вызвать недовольства, и очень широкое недовольство, действительно, возникает. Тенденция власти постоянно вмешиваться в личную жизнь молодежи, брать ее под контроль, приводит к тому, что пассивно-недоброжелательное отношение к режиму распространяется в таких кругах, где в нормальных условиях, в условиях нетоталитарного государства, ни политической, ни общественными, ни идейными вопросами вообще не интересуются, в среде тех людей, которых Гексли удачно наз-

вал exclusively private lifers. Мы говорим здесь именно о молодежных кругах, потому что давление власти на личную жизнь старшего поколения, уже имеющего профессию, занимающего определенное положение и т. п., все-таки значительно слабее, хотя, конечно, тоже весьма велико.

Недовольство стремлением власти распоряжаться судьбой молодых людей, навязывать им определенный жизненный путь — это то, что объединяет между собой молодежь самого различного культурного уровня и общественного положения — от простых колхозников до будущих директоров крупных предприятий, от девиц, ничем кроме нарядов и танцев не интересующихся, до будущих академиков. Такое недовольство является первой, общей наибольшему числу людей, но далеко не единственной причиной враждебности молодежи режиму. Теоретически требование жертвы в интересах «общества» распространяется на всех. Практически же комсомольские и партийные аппаратчики, на долю которых выпадает организаторская роль, и дети зажиточных или привилегированных родителей всегда имеют возможность тем или иным способом избавиться от самых неприятных из тех последствий, к которым привело бы неукоснительное выполнение этого требования. Летом 1956 г., например, в Москве набирали добровольцев среди студентов для помощи в сборе урожая на целине. Вскоре выяснилось, что только уговорами достаточно народу не собрать. Тогда применили меру давления: студентам, отказавшимся от поездки, выплату стипендии за лето отложили до осени. На детей зажиточных родителей это, конечно, не подействовало, но многие бедные студенты, только на стипендию и живущие, вынуждены были провести свои каникулы на целине. Дело, однако, не только в каникулах. Для тех, кто связан с видными бюрократическими семьями, вся жизнь складывается по-другому. Сопоставим две судьбы. Мать А. Петрушевича, бедная вдова, потерявшая мужа на фронте, отдала сына в Суворовское училище, когда ему было десять лет. Приехав в семнадцать лет на каникулы домой, он решительно заявил матери, что военная служба ему не по душе и в училище он не вернется. В ответ на просьбу освободить сына из училища, военное министерство прислало матери А. Петрушевича счет на сорок тысяч рублей за воспитание. Ему самому после этого не оставалось ничего другого, как вернуться к нелюбимой профессии. Окончив четыре года спустя Ярославское пехотное училище, Петрушевич вскоре застрелился.

А вот другая судьба. Сын бывшего замминистра высшего образования, а затем начальника Мосстроя В. Ф. Промыслова, про-

ведя несколько лет в Нахимовском училище, безболезненно ушел оттуда, кое-как окончил школу в Москве, а потом, сдав фиктивные вступительные экзамены, во время которых экзаминаторы помогали ему, поступил в Московский авиационный институт, где существует очень большой конкурс и куда обычно принимаются только лучшие из лучших. Мы видим таким образом, что деньги и главным образом связи избавляют от необходимости приносить жертвы, быть «самоотверженным». Для основной же массы молодежи остается только один путь — всеми правдами и неправдами увертываться от непомерных требований советской системы и в случае, если обойти их невозможно, подчиняться.

Молодое поколение вне зависимости от социального положения, естественно, хочет, хотя бы в узких рамках советской системы, строить свою личную жизнь так, как ему заблагорассудится. То, что ему не дают этого делать, вызывает неприязнь к власти, стремление любой ценой спасти свою жизнь от разрушения, оградить себя и своих близких от бессмысленного страдания. С другой стороны, несмотря на нежелание, молодежи часто приходится подчиняться. Так возникает чувство, что ты не распоряжаешься собственной судьбой, собственным временем, и как следствие его — пассивность и неуверенность в завтрашнем дне. Пассивность — это та скала, о которую разбиваются всяческие очередные и внеочередные мероприятия партии и правительства. Упорным, хотя и молчаливым отказом строить свою жизнь в соответствии с предписанием свыше, жертвовать ей хотя бы в мелочах, масса воздвигает непреодолимую преграду на пути таких кампаний и мероприятий. Пассивность, настроения безразличия и неприкаянности, полное отсутствие энтузиазма к партийному делу, как к чему-то чуждому и постороннему, мешают диктатуре в осуществлении ряда ее важнейших планов. Жалобами на эти «нежелательные явления» полна советская молодежная печать. Возьмем наугад «Комсомольскую правду» за десять дней марта 1957 г. (5. 3.—15. 3.): мы найдем в ней ряд интересных примеров. 5-го марта в газете напечатана статья против тех, кто живет по принципу «лишь бы меня не трогали», 6-го приводит рассказ, показывающий глубочайшее равнодушие комсомольцев к комсомолу и отсутствие уважения к нему со стороны населения. В очерке «Ни одного пятна!» комсомольский билет не в состоянии убедить проводницу поезда, что обладатель его не вор. А один из других персонажей рассуждает так: «Я — комсомолец, он — не комсомолец, а какая между нами разница? Главное, были бы ребята хорошие, а состоят они

в комсомоле или нет — не все ли равно?» 8-го появилась еще одна жалоба на пассивность: «Многие учителя, в том числе и комсомольцы, замыкаются в стенах школы, не хотят выступать с лекциями и докладами, вести антирелигиозную работу среди населения. Встречаются среди учителей такие, которые активной общественной работе предпочитают обывательское благодушие». 12-го в «Комсомольской правде» опубликована рецензия на повесть А. Гладилина «Хроника времен Виктора Поддубского». Персонажи ее, десятиклассники, не попавшие в вузы, оказались в тупике, полны «осенних настроений», не знают, «куда деть себя». Главный герой пробует применить дежурные советские рецепты — работу на производстве и комсомольскую работу — и за негодность отвергает их. Общая оценка новой повести в газете сдержанно-отрицательная: очевидно в ней отражено нечто, весьма мало общего имеющее с желательным энтузиазмом.

Таким образом, официальный орган ЦК комсомола всего лишь за несколько дней, сам того, вероятно, не желая, насчитал ряд случаев пассивно-враждебного отношения молодежи к власти, неприятия ею партийной этики и норм поведения. На преодоление колоссальной инерции этого сопротивления направлены партийные и комсомольские активисты, постоянные призывы к «трудовому энтузиазму», «советскому патриотизму», «социалистической сознательности». Призывы эти большей частью, однако, остаются тщетными, ибо советская власть слишком много требует от молодежи и слишком мало предлагает взамен. Об этом несоответствии дают нам вполне ясное представление те же мартовские номера «Комсомольской правды». Молодежь прежде всего пытаются убедить, что она живет хорошо. Для этого ей регулярно из номера в номер рассказывают об ужасах западной жизни: дескать, там очень плохо, и цените, что имеете. Печатаются «подлинные» показания возвращенцев и моряков, статьи коммунистов. С другой стороны энтузиазм пытаются подогреть постоянными упоминаниями о благах, которые будто бы дала молодежи революция. Но Ворошилов, в речи от 1 марта, признал: «Встречаются еще молодые люди, не умеющие ценить великие революционные завоевания». А передовая статья от 14 марта призывает: «Берегите добытое в борьбе!» Что же это за революционные завоевания? На это пытается ответить передовая статья от 3-го марта. «Ты имеешь работу, кров над головой. Ты одет и обут, не думаешь каждый день о насущном куске хлеба, имеешь образование, читаешь книги, ходишь в кино, можешь хорошо отдохнуть и повеселиться... Все это ты получил благо-

даря советской власти». Даже если бы сказанное здесь было и стопроцентной правдой, то остается непонятным, причем тут советская власть. И до советской власти люди не жили под открытым небом и не ходили голыми. Но это, увы, неправда. На третьей странице того же нумера читаем: «Трудно Вале Саловой. День работает, а вечером — в школу. Домой придет — садится за уроки, и все хозяйство на ее плечах» («Имеешь образование!»); «трудно было с жильем в Ленинском речном пароходстве. Подумали комсомольцы и пришли к выводу, что надо самим взяться за строительство молодежного общежития»; домики (на целине. — Д. Б.) продувало и никакие печи не могли удерживать тепла (8. 3.) Как мы видим, кров над головой весьма относительный и насчет хлеба тоже не очень благополучно. 13-го марта газета писала: «Ваня Власов из села Дворянского сбежал из дому в интернат, так как дома семье живется трудно: отец погиб, а мать тяжело больна». Естественно, что такими «революционными завоеваниями» вдохновить кого-либо трудно. Поэтому люди разбегаются с целины, отказываются ехать «добровольцами» на освоение Сибири, отлынивают от общественной работы, притворяются больными, чтобы только не ездить каждую осень в пригородные колхозы на сбор картошки, под разными предложениями уходят с бесконечных собраний и заседаний. Молодежь не хочет жертвовать для «диктатуры пролетариата» не только «кровью, а если понадобится и жизнью», но даже просто несколькими часами времени. Приведем еще один пример. С 1951 по 1956 г. на одном из факультетов Московского университета не было ни одного комсомольского собрания, на котором присутствовало бы больше 60% комсомольцев. Дважды собрания откладывались из-за отсутствия кворума (кворум — 50%). И это несмотря на то, что явка строго обязательна и непришедшим угрожают довольно серьезные неприятности.

Попытки прямо и косвенно, в мелочах и в важном, принудить молодежь делать то, чего она не хочет, вызывают не только неприязнь к власти и пассивное сопротивление. Если дело идет о выполнении заданий партии и правительства, молодежь проявляет бешеную активность, когда нужно от этих заданий увернуться. При этом, естественно, появляется ощущение противоположности своих интересов интересам власти, ощущение интересов личности в противоположность интересам режима и, конечно же, еще большее обострение недоверия, неприязни, недоброжелательства и к носителям власти и к их действиям. Такое недоброжелательство — это скорее настроение, определение эмоционального отношения к системе, чем мнение о ней. Оно

выражается в том, что люди стараются держаться подальше от всякой официальности, не задумываются над общественными вопросами и, всеми правдами и неправдами вывертываясь из-под тяжелого пресса советской системы, стремятся строить свою личную жизнь. Уже этим они противопоставляют себя власти, требующей от всех безусловного участия в «социалистическом строительстве».

Вызубривая «основополагающие положения марксизма-ленинизма» и заучивая «исторические решения партии и правительства», такие люди с большей или меньшей четкостью излагают выученное на принудительных семинарах и политзанятиях и забывают о нем, как только выходят из аудитории. Многие не читают даже газет, рассуждая при этом так: «Если война начнется, я все равно узнаю, а больше меня ничто не интересует». Возможно более тщательное и удобное устройство собственной жизни — вот единственное, что их заботит. Для некоторых задача не думать ни о чем, кроме возможно более удобного устройства собственной жизни, является сознательно поставленной. Это обычно представители более обеспеченных слоев общества и таких профессий, которые предоставляют им относительную свободу. Чтобы только не потерять с трудом добытого внешнего покоя, они духовно самоограничиваются. Примером таких людей может служить один талантливый молодой дирижер, отказавшийся не только разговаривать о политике, но даже слушать полузапретную новую музыку. Своеобразным лозунгом представляется нам стоящее у него на рояле аршинными красными буквами написанное изречение "Noli me tangere". Но заклинания на советскую власть не действуют, она все-таки «трогает» людей, хотящих только одного, чтобы их оставили в покое. Необходимость все время оберегать свой маленький, искусственно созданный мирок от посягательств со стороны власти, поддерживает в людях недовольство и неприязнь к ней. У очень и очень многих эти чувства не сочетаются с какими-нибудь политическими взглядами. Некоторые, обманутые и сбитые с толку «тотальной ложью» советской пропаганды, изолирующей живущих в России не только от внешнего мира, но и от товарищей по несчастью — других граждан «страны социализма», — по крайней мере частично верят пропаганде, особенно когда речь идет о жизни за рубежом.

4

Итак, постоянная тенденция государства вмешиваться в частную жизнь и нарушать ее нормальное течение вызывает смутное и неопределенное чувство неприязни к власти, которыми про-

никнуты самые широкие круги советской молодежи, в том числе не очень культурная и не очень требовательная ее часть. Такова первая причина напряженных отношений, складывающихся между молодым поколением в целом и тоталитарной властью. Значение ее тем более велико, что она по сути дела отражает противоречие между человеческой природой и противостественными требованиями власти. Нельзя изменить человеческую природу, но нельзя изменить и природу тоталитаризма. Поэтому в пределах тоталитарного строя причина эта постоянно действующая. Этим значение напряженных отношений между молодым поколением и властью, однако, не исчерпывается. Во-первых, они свидетельствуют о том, что советскому режиму не удалось воспитать безусловно послушного себе робота, без чувств и мыслей, без стремления устроить хотя бы свою личную жизнь, готового «жертвовать личным ради общественного», думающего только о том, как «водрузить красное знамя коммунизма на краю света». Во-вторых, о пассивность и инертность массы молодежи разбиваются все мероприятия партии, требующие проявления инициативы и жертвенности. На целину, в конце концов, вместо комсомольцев-энтузиастов пришлось отправлять людей с уголовным прошлым. По крайней мере частично, их вызывали в милицию и ставили перед выбором «либо в тюрьму — либо на новые земли». Результаты не замедлили сказаться. На целине процветают пьянство, поножовщина, очень низкая трудовая дисциплина; отношение к технике варварское (обо всем этом в свое время писал Сельвинский в серии статей в «Литературной газете»). Попытка заменить на сибирских стройках выпущенных частично концлагерников добровольно выбранной молодежью, о чем столько кричала советская пресса весной 1956 г., очевидно, тоже не удалась. Каждый год тысячи молодых специалистов, окончивших вузы и техникумы в больших городах, отказываются бросать свою семью и разными способами увертываются от поездки на три года на работу в отдаленные провинции. И хотя во многих случаях путем угроз, административного и партийного насилия и т. п. пассивное сопротивление удается преодолеть, однако применение таких мер безусловно не вербует для власти новых сочувствующих. В-третьих, недовольство, пусть полуосознанное и чисто эмоциональное, делает молодежь невосприимчивой к «идеологической обработке» и, наоборот, очень восприимчивой к тем идеям, к той системе ценностей, которые на официальном советском жаргоне называются «буржуазной идеологией». Газета «Труд» от 8. 1. 1957 г. писала: «Последнее время в с е ч а щ е становимся свиде-

телями увлечения части студенческой молодежи бульварной буржуазной литературой,⁶ формалистической живописью, дикой джазовой музыкой». Такими жалобами полна советская пресса, и они говорят за то, что политически индифферентная молодежная масса потенциально антикоммунистична.

В-четвертых, last not least, глухая, многолетняя неприязнь к режиму — это та питательная почва, на которой вырастают сознательные боевые антисоветские настроения, настроения того авангарда, который идет на риск и «высказывает... нездоровые в политическом отношении взгляды» («Труд», 8. 1. 1957), чувствуя при этом, что его голос — не глас вопиющего в пустыне, а что он находит сочувственный отклик в зале. Настроения и мнения этого авангарда — тема большая и сложная, и к ней мы еще в дальнейшем вернемся. Остановимся сейчас лишь на самых характерных примерах реакции той молодежной массы, которая, подобно герою романа Юрасова «Враг народа», мало понимает в политике, но в жизни чувствует, что она несчастна.⁷ Конечно, эта реакция особенно сильна в тех кругах, которые мы условно называем «авангардом», но там она в той или иной степени окрашена сознательно критическим отношением к действительности.

Пассивность, неуверенность в завтрашнем дне, стремление любой ценой спасти свою жизнь от разрушения, о чем мы уже ранее говорили, имеют свою оборотную сторону. Она, обратная сторона — жесточайший эгоизм и аморализм, равнодушие к чужому страданию, иногда почти уголовно-антиобщественные настроения, проникающие в сознание неплохих и честных в общем людей, нежелание думать о будущем, чувство потерянности. Несмотря на проповедь коллективизма, советская действительность, атмосфера доносов и террора, порождает замкнутость, отчужденность, воистину звериный индивидуализм. Весь этот комплекс чувств и настроений также входит в психологическую реакцию молодежи на режим. Если в своем первом ответе на требование «жертвовать личным ради общественного» — ответе пассивным сопротивлением и недоброжелательством — молодежь едина, то дальнейшая реакция на партийно-административное давление крайне дифференцирована и сложна. Отказываясь следовать по предначертанному свыше пути, инстинктивно чувствуя его гибельность, многие теряются, не знают что им делать. В этом смысле очень характерны те на-

---

⁶ Официальная советская критика относит сюда и произведения таких писателей как Андре Жид или Джон Эрнст Стейнбек.

⁷ С. Юрасов, Враг народа, изд. им. Чехова, Нью-Йорк, стр. 56.

писанные одной студенткой стихи, на которые обрушилась «Комсомольская правда»:

А я не знаю, куда мне идти,
Дорогу избрать куда и какую.
Голос мой тих и настроен интимно,
Люди, переведите слепую.

Речь идет здесь не только о выборе жизненного пути, но и об утрате определенных моральных ценностей, которые на этом пути должны служить как бы направляющими вехами (Дорогу избрать куда и к а к у ю).

Власть выдвигает требование «коммунистической морали», смысл которой по сути дела (независимо от словесной маскировки беспрекословным подчинением приказам коммунистического начальства) масса молодежи отвергает, но вслед за этим часто оказывается в моральном вакууме и отвечает на требование «коммунистической морали» полным аморализмом, поэтизацией разрушения (в противоположность бессмысленности «коммунистического созидания») и уголовного разгула (в противоположность «социалистическому порядку»). Вот отрывки из стихов одного двадцатилетнего поэта:

Волонтеры террора, бродяги,
Все без возраста и без страны,
Мы сплотились под радостным флагом
Разрушения и войны.

Или:

Громить и взрывать арсеналы и банки,
Насиловать баб и вешать мужчин
И двигать веселые желтые танки
На большие стволы городских осин.

Комментарии здесь излишни. Настроениями такими в разной мере проникнуты многие. Но своей крайней степени они достигают в жизненной практике стилиг и хулиганов. На требование власти целиком подчиниться обществу они отвечают: «Никакого подчинения. Все позволено». На требование «учиться, чтобы стать строителями коммунизма» они отвечают: «Пусть дураки учатся».

Появились стилиги в СССР после второй мировой войны, в 1946—1947 гг. В сталинское время, однако, в печати полагалось

говорить только о «бесконечной любви и преданности молодежи партии и товарищу Сталину» и о ее «монолитной сплоченности». Поэтому упоминания о стилягах в прессе стали появляться лишь в 1954 г., когда был опубликован фельетон «Плесень», в котором впервые было признано существование в СССР "teenagers' problem". С этого момента началась кампания против стиляжничества. Велась она очень конкретно. Назывались имена, фамилии, поступки, высказывания. Известно, что, когда советская пресса ведет спор с политическим противником, она тщательно избегает изложения его точки зрения, дабы не способствовать распространению «буржуазной пропаганды». Открытый характер выступлений против стиляжничества уже сам по себе говорит о его по существу неполитическом характере. Самое слово «стиляга» происходит от выражения «танцевать стилем», т. е. под современную джазовую музыку и современными «па». Как это ни нелепо, но «танцующий стилем» уже только этим приходит в определенный конфликт с требованиями власти, так как современный джаз, «музыка толстых», «продукт буржуазного разложения», в СССР запрещен. С поклонением джазу обычно связано стремление копировать моды западной одежды. Из внешних форм западноевропейской и американской жизни (джаза, мод и т. п.) стиляги сделали настоящий фетиш. Лучшие друзья способны стать смертельными врагами, не поделив какую-либо, неизвестно какими судьбами приобретенную греческую рубашку. За этим поклонением Западу не следует, однако, повторять, искать особо глубоких политических мотивов. Оно объясняется просто необычайным внешним убожеством и серостью советской жизни. Все «красивое» — веселая музыка, яркая одежда — идет с Запада. Отсюда и поклонение ему, значение которого, во-первых, в том, что при всей нелепой утрированности оно подчеркивает, насколько разочарована даже политически индифферентная молодежь в советской действительности, во-вторых, в том, что для многих шестнадцати-семнадцатилетних такое разочарование есть лишь первый шаг на пути к дальнейшей политической оппозиции.

Подражание внешним формам западной жизни для большинства стиляжничеством и ограничивается. У многих, однако, стремление танцевать, «громко» одеваться и вообще всячески «срывать цветы удовольствия» сочетается с острым нежеланием работать или учиться, которое только отчасти можно объяснить тем, что честный труд в СССР очень часто не приносит плодов. В таком случае остается только два выхода: жить за счет богатых родителей или спекулировать, ибо стиляги рекрутиру-

ются не только из богатых привилегированных семей, но и из средней городской интеллигенции и даже из рабочих. Некоторые успешно сочетают оба эти пути. Спекуляция ведется, главным образом, заграничной одеждой, кустарно изготовленными записями американского джаза и популярных песен певца-эмигранта Петра Лещенко. Джаз и песни переписываются с магнитофона или с баснословно дорого стоящих (100—400 руб.) пластинок на отмытую рентгеновскую пленку. На черном рынке пленка, содержащая одну запись, стоит десять рублей. «Пленочники», т. е. люди, изготовляющие переписи и торгующие ими, — особая категория стилига. К советской власти стилига относится отрицательно, поскольку она не дает ему спокойно спекулировать и танцевать. Ненависть свою к советской действительности он выражает шумно и с наигранной бравадой, проявляющейся обычно в мелочах. Так, например, один московский стилига как-то занялся перекрашиванием дверей собственной квартиры. «Чуваки (ребята — аргумент стилига), — объяснил он, — вот дверь в желтый цвет крашу. Она красная, а я красный цвет очень не люблю». Позже лихой ненавистник красного цвета попал в тюрьму за кражу телевизора из пионерлагеря, где он работал вожатым. Другой пример. Стилига приходит в ресторан и кладет ноги на стол. Официант возмущенно протестует: «Что вы делаете?!». Стилига спокойно поясняет: «Исполняю акробатический этюд «Тоска по родине» (имея в виду Америку. — Д. Б.).

Итак, стилига — это крикливо одетый «джазирующий» фронт, а иногда и спекулянт. Его поведение — с одной стороны выражение протеста против «общественных условностей», а иногда и против всякого закона. С другой стороны оно отражает традиционную русскую мещанскую тоску по «европейскому» лоску и «изящной» жизни. Напряженные отношения между тоталитарной властью и стилигами объясняются прежде всего тем, что первая в своем стремлении постричь всех под одну гребенку и использовать каждую минуту «производительно» крайне нетерпимо относится к наивному оригинальничанью и праздности молодых людей. Таким образом, этот конфликт относится к разряду конфликтов, объясняемых вмешательством власти в частную жизнь. И хотя недовольство стилиг некоторыми сторонами советской жизни носит вполне определенный характер, оно, во-первых, очень поверхностно, а, во-вторых, часто быстро проходит. Поэтому оно скорее ближе к смутной неудовлетворенности действительностью, чем к сознательной политической оппозиции.

Наряду со стилижничеством, главным образом в среде рабочей молодежи, процветает хулиганство и пьянство. В отличие от стилига, хулиганы, как правило, не «профессионалы». Это рабочие, дебошами и драками протестующие против серости, бесперспективности, монотонности жизни. Хулиганы устраивают дебоши в пивных, избивают прохожих, часто воруют. Проникнутые бандитско-анархическими настроениями, развращенные бездельем, стилигаи и хулиганы — конечный пункт того разложения моральных устоев, которые породила система невероятного общественного угнетения и постоянного вмешательства власти в частную жизнь. Это шумная и бросающаяся в глаза группа, но она не велика и, что самое главное, не она определяет лицо советской молодежи, ее настроения и искания. Советская пропаганда, верная своему принципу моральной дискредитации политических противников, пытается «амальгамировать» авангард советской молодежи, сознательных противников режима, со стилигами. Так, например, «Комсомольская правда» от 28. 4. 1957 г. называет идеологом стилига молодого поэта, протестующего против всевластия в стране «страшных железных людей с неподвижными мозгами». Это, однако, пропагандный трюк. Общее между ними только то, что и те и другие протестуют против несвободы. Система несвободы, всестороннего ограничения человека в СССР такова, что тяжелые настроения возникают и у тех, кто посажен в позолоченную клетку. Речь идет о некоторой части привилегированной молодежи. Уже по праву рождения им дано все. Им не нужно пробиваться, делать карьеру, бороться за место в жизни. К ним никто не предъявляет никаких требований. Не дано только одного — свободы. Отсюда их чрезвычайно раздвоенная сложная психология. С одной стороны они понимают, что только советская власть способна охранить их место в жизни, и принимают ее. С другой стороны их религия — это отнюдь не преданность партии и правительству, а циническое бонвиванство, часто сочетающееся с пессимизмом и постоянным тяготением к той или иной стороне западной культуры (от джаза и яркой одежды до Жироду и абстрактной живописи). Очень характерным в этом отношении типом является некто Б., приемный сын одного советского посла. Б. рассуждает так: «Мой дед землю пахал. Если бы не было советской власти, то где бы я был, — а теперь...» и широким жестом он обводит свою комнату. И действительно, в оклеенной серо-стальными парижскими обоями комнате нет ни одной вещи советского производства. Все от грампластинок и книг до сыра и какого-то особенного назлектризованного теплового белья Б. по-

лучает из-за границы. Широко образованный и обладающий безошибочным вкусом человек, он носит маску умного сибарита и гуманного пессимиста. За всем этим, очевидно, скрывается глубокое отчаяние. В 1956 г. Б. дважды на протяжении двух недель пытался покончить с собой и был, в конце концов, отправлен в больницу для душевнобольных. Конечно, Б. исключение. Люди этого типа обычно грубей и поверхностней. Но сам тип очень характерен. Советская власть не дает таким людям «развернуться», будь то в аристократическом «наслаждении жизнью», или просто в бонвиванстве (за исключением самых астрономических верхов), и у них быстро появляется чувство пустоты, ненужности и отчаяния, иногда, как мы видели, доводящие их даже до самоубийства. Впрочем, так далеко дело заходит не часто. И сыновья, и дочери советских дипломатов, крупных партработников и т. п. продолжают сладко есть, пить, кутить в ресторанах, ничего не делать и жаловаться на скуку и серость жизни.

До сих пор мы говорили о реакции молодежи на тоталитарную несвободу как об основной причине, вызывающей в самых широких кругах молодежи недоброжелательство к власти. Вторая причина менее общего характера, вызывающая протест и недовольство, но не обязательно последовательное и критическое отрицание действительности, — это тяжелое материальное положение части молодежи, в особенности студенческой и крестьянской. 250—400 рублей стипендии в месяц — часто единственный доход студента, не имеющего зажиточных родителей, 30—40 руб. надо уплатить за койку в спальне на 60 человек, 30 руб. уходит на транспортные расходы, и на жизнь остается совершенно недостаточно. Питаться приходится в студенческой столовой, а они подчас ужасны: ложки, липкие от грязной воды, в которой их моют, тарелки, покрытые жирной пленкой, тесно расставленные столы, скатерти сероватого оттенка, покрытые пятнами, невкусная еда. Обычно студенты ворчат, отшучиваются, но вынуждены терпеть. Иногда терпение лопается и вспыхивает бунт. Весной 1958 г. в общежитии Московского университета на Стромынке студенты объявили бойкот столовой и установили у ее дверей пикеты. Проявление самостоятельной, не организованной сверху инициативы не на шутку испугало власти, и они удовлетворили требования студентов, а потом начали искать зачинщиков, чтобы примерно с ними расправиться. Зачинщиков, однако, на этот раз не нашлось: студенты дружно поддерживали своих товарищей.

Случаи, подобные описанному здесь, может быть и не имеют большого значения сами по себе, но они свидетельствуют, во-первых, о серьезном недовольстве, во-вторых, об умении сплотиться для протеста. За последние годы в студенческой среде совместные действия с целью защиты общих материальных интересов стали, в общем, довольно обычным явлением. «Комсомольская правда», в передовой статье от 1 декабря 1957 г., упоминала, в частности, о бойкоте студенческих столовых, как о чем-то таком, что уже неоднократно случалось. Естественно, что у тех, кто принимает участие в таких действиях, постепенно складывается чувство общности своих интересов в противоположность интересам власти. Поэтому здесь мы имеем дело с переходным случаем между неудовлетворенностью частностями и сознательным политическим протестом. Говоря о недовольстве тяжелым материальным положением, нельзя не упомянуть крестьянской молодежи. Примерно с десяти лет она вынуждена за незначительное вознаграждение работать летом в поле. Если в городе даже в бедных рабочих семьях дети до 14 лет, как правило, учатся, потому что до этого возраста на работу нигде не принимают, то в деревне положение иное. Школа часто далеко, зимой нет ни транспорта, ни, зачастую, теплой одежды, с весны до поздней осени дети, если не трудятся на колхозных полях, то пасут скот или работают на приусадебном участке, пока взрослые отработывают колхозную барщину. В результате колхозная молодежь не получает достаточного образования. Один офицер, недавно перешедший на Запад, приводит такие цифры. На каждые сто новобранцев приходится в среднем три-четыре человека с десятиклассным образованием (при этом надо учесть, что основная масса десятиклассников, идущая в вузы, в армию не попадает), далее, примерно, десять человек с семью классами, человек тридцать — с четырьмя, пятью и шестью классами, остальные, по сути, малограмотны; встречаются, правда редко, совсем неграмотные. Три последние категории — это, главным образом, деревенская молодежь. Отсутствие образования уже в самом начале жизненного пути ставит крестьянскую молодежь в очень невыгодное положение. Жизненный уровень в деревне исключительно низок. Поэтому молодежь стремится в город. Но колхозники не имеют паспортов. Поэтому они не могут передвигаться по стране, они прикреплены к земле. Единственный выход для мужчин — армия, для женщин — выйти замуж за городского. После колхозник имеет право свободно выбирать место жительства. Поэтому, в отличие от городской молодежи, часть деревенской молодежи охотно идет в армию, где и

питание к тому же много лучше, чем то, к которому она привыкла дома. С другой стороны, те, кто крепко связаны с деревней, очень тяжело переживают трех—пятилетнюю солдатчину вдали от дома, часто без отпусков. Как мы видим, причин для недовольства у крестьянской молодежи достаточно. И недовольство это действительно существует. С другой стороны, как нам кажется, именно в деревне особенно сильна тенденция все трудности и несчастья собственной жизни сваливать персонально на плохое начальство. Нам неоднократно приходилось слышать жалобы крестьян и солдат из крестьянской среды на пьяниц-председателей и плохих секретарей райкомов, сопровождаемые утверждениями, что если бы убрать председателя, да заменить секретаря, то жизнь была бы легче и жили бы, как в других областях и районах, о которых «в газетах пишут и по радио передают». Когда говоришь такому человеку, что его обманывают и что большинству так же трудно, как и ему, он пожимает плечами: «Не может быть, чтобы газеты и радио всегда врал». Таким образом, по нашему мнению, в деревне безусловно существует недовольство, вызываемое в первую очередь тяжелым материальным положением и стремлением советского правительства прикрепить крестьян к земле. Неудовлетворенность материальным положением находит свое выражение прежде всего в отказе работать на колхоз, который воспринимается как некая чуждая сила.⁸ «Комсомольская правда» от 22 июня 1956 г. рассказывала, что в одном большом приволжском колхозе на работу никогда не выходило больше 20 человек молодежи. В ответ на вопрос корреспондента, чем он объясняет такое положение, один молодой колхозник ответил: «Работают, чтобы заработать. А у нас в колхозе ничего не получишь!»; две девушки из того же колхоза объяснили свой отказ работать так: «Мы видим, как люди в колхозе мучаются». Такой полный отказ от работы в деревне встречается значительно чаще, чем в городе, так как здесь невозможно сменить невыгодную службу на выгодную. Но в общем недовольство деревенской молодежи имеет сравнительно более ограниченный характер, что объясняется, во-первых, низким культурным уровнем молодежи, во-вторых тем, что город все еще остается для нее неким идеалом и она скорей склонна уйти из деревни, чем искать выхода на месте.

---

⁸ См., например, рассказ молодого советского писателя В. Тендрякова, Не ко двору, Москва 1956.

Мы попытались показать, что ввиду нежелания власти предоставить молодежи свободу хотя бы в организации личной жизни, ввиду слишком больших требований, предъявляемых к молодежи, и недостаточности того, что власть может предложить ей взамен, большинство молодежи должно быть охвачено настроениями по крайней мере пассивного недоброжелательства или к власти вообще или, во всяком случае, к тем ее мероприятиям, которые непосредственно ее касаются. Настроения, это нечто еще неопределенное, логически не завершенное. Но из настроений вырастают мнения, и мнения только тогда могут получить широкое распространение, когда они в чем-то соответствуют настроениям.

В авангарде советской молодежи, в наиболее культурной, политически мыслящей ее части, туманное недовольство преломляется в виде последовательного отрицания тоталитарного режима. С другой стороны, в политически активной части молодежи существуют и группы, на которые режим может опереться. В своей речи 1 марта 1957 г. К. Ворошилов говорил о молодых людях, которые «лавируют, чего-то ищут, о чем-то мечтают, во всяком случае не о том, о чем следует». И добавил: «Мы можем очень легко раздавить этих букашек-таракашек». В этих его словах содержится, во-первых, признание расхождения устремлений значительной части молодежи с устремлениями режима, а во-вторых, совершенно ясно сказано, что режим может с «оппозиционерами» расправиться.

Выясним сначала вопрос, на кого может опереться советская власть в такой расправе. Мы уже говорили, что в организованном тоталитарном обществе выделяется особый правящий слой, состоящий из «партаппаратчиков» (не по должности, но по функциям и по человеческому типу). Отбор в этот слой начинается еще в комсомольском возрасте и идет прежде всего в высших учебных заведениях. «Комсомольская правда» как-то писала, что в институтах имеется группа людей, «не собирающихся после получения диплома работать по своей профессии, а расчитывающих после получения диплома осесть в городе в комсомольских органах». Какovy же эти люди? Сам по себе тип комсомольского активиста — это уже больше не грубый и безжалостный к себе и другим, но уверенный в своей правоте энтузиаст, известный нам из литературы 20-х годов. Комсомольский активист, во всяком случае в вузе, это, как правило, человек, спокойно и обдуманно начинающий карьеру профессионального ак-

тивного работника. В этом смысле очень характерным представляется нам, например, А. Е., секретарь комсомольской организации одного из факультетов МГУ. Сын районных партийных работников с Урала, малокультурный, он неизвестно какими путями попал в университет, где конкурс при поступлении доходит до 20—25 человек на одно место. Хорошо понимая, что ни о какой научной или преподавательской карьере ему и мечтать не приходится, он с самого начала активно взялся за комсомольскую работу, постоянно кого-то «организовывал, спланировал, про-рабатывал и обсуждал». В то же время, благодаря представительной внешности, простецким манерам, игре в принципиальность и готовность помочь студентам в таких вопросах, как получение места в общежитии или денег из кассы взаимопомощи, он завоевал себе некоторый авторитет, которым затем стал пользоваться самым бесстыдным образом. В 1953 г. во время официальной антисемитской кампании он «разоблачил» учившуюся в университете дочь «врача-убийцы»; зимой 1955—1956 гг. ему удалось замять поднятый на комсомольском собрании вопрос о взяточничестве в деканате при приеме в университет; наконец, весной 1956 г. он добивался, хотя и неудачно, исключения из комсомола (а значит и из университета, и из жизни) зачинщиков описанного выше «стромынского бунта» студентов, протестовавших против плохих условий жизни и организовавших пикетирование столовой студенческого общежития на Стромынке. Начальство не оставляет заслуг Е. невознагражденными. Когда он два раза подряд провалился на экзаменах, его, вопреки правилам, из университета не исключили; когда он оказался не в состоянии защитить дипломную работу, ему продлили пребывание в университете еще на один год, что совершенно неслыхано и беспрецедентно. К тому же на посту секретаря бюро комсомола факультета он, в дополнение к стипендии, получает около 800 руб. в месяц. На 4-м курсе Е. приняли кандидатом в партию.

Е. кажется нам наиболее характерным типом комсомольского работника. Из этого, конечно, не следует, что все комсомольские работники ведут себя так же грубо и нагло. Многие из них понимают всю ненужность той работы, которую они делают, и занимаются, в основном, симуляцией кипучей деятельности. Некоторые стараются как можно меньше досаждают людям, вмешиваться в их жизнь, надзирать за ними. Наконец, нам известен один крупный комсомольский работник в Москве, внутренне глубоко враждебный советской власти, но считающий, что раз при этой власти приходится жить, то ничего не остается, как с ней сотрудничать и, сотрудничая, стараться урвать для себя «ку-

сок побольше от общественного пирога», и нет для этого лучшего средства, чем партийная карьера. Но как бы там ни было, нам никогда не приходилось встречать среди молодежи комсомольского работника, который занимался своим делом из внутренних, идейных, а не карьерных соображений. Комсомольские работники лишь внешне кажутся конформистами: они лишь проповедники правила «жертвовать личным ради общественного», но не практики его, потому что карьеризм не совместим с жертвенностью. Комсомолец-идеалист, готовый пожертвовать собой для торжества коммунизма, безвозвратно отошел в прошлое. Омертвление идеологии, очевидный разрыв между словами и делом убили его. Современный активист, если и готов отправиться на целинные земли, то только на несколько месяцев и дабы набить политический капитал. Покомандовав там некоторое время, он возвращается обратно под предлогом продолжения образования или чего-нибудь другого. В этом смысле характерен пример поэта-активиста Э. Иодковского, автора слов популярной целинной песни «Едем мы, друзья, в дальние края». Пробыв на новых землях месяца четыре, он вернулся в Москву будто бы на совещание молодых писателей и больше на целину не показывался. Люди такого типа внутренне связаны с режимом, зависят от него, но он для них кормушка, не больше. Проповедуя идеализм, они по сути дела глубоко безидейны и безразличны ко всему, что не связано с их карьерой. Это становится особенно ясно, когда наблюдаешь их в частной жизни. В то время, как среди оппозиционной молодежи споры о политике и других животрепещущих вопросах — нормальное явление, они обычно приводят в смущение «профессиональных комсомольцев», даже если и ведутся в строго ортодоксальном духе. Деньги, повседневная работа, одежда, спорт, рыбалка, политически невинные, но часто «соленые» анекдоты — вот обычные темы их разговоров. А если какой-нибудь «идейный» вопрос все-таки всплывет, от него отмахиваются: «Оставь, ты же не на собрании». В общем, активист — это человек, стремящийся кратчайшим путем добратья до вершины, не обремененный излишними моральными пред-рассудками, и если и не совсем не верящий в то, что он говорит, то как-то не связывающий этого со своими поступками. Открытые циники, коллаборирующие ради «куска общественного пирога», встречаются не часто, но еще реже встречаются такие, кто действительно готов пожертвовать собой ради «торжества коммунизма» (в официальном толковании этого понятия). Недаром «Комсомольская правда» в уже упоминавшемся сообщении с грустью отмечала, что против «демагогов и критиканов» высту-

пают главным образом те, кто даже не скрывает своего намерения после окончания вуза «осесть в комсомольских органах». Активистам приходится вести борьбу на два фронта: с одной стороны против пассивного, подобного силе инерции, сопротивления, с другой — против тех, кто «разлагает коллектив», «сеет индивидуалистическую заразу». «Подорыватели основ» — не плод воображения комсомольского и партийного начальства. Такие люди действительно существуют. На одном из факультетов Московского университета существовала небольшая группа, всего четыре человека, которые в течение четырех лет чрезвычайно искусно, разнообразно и сознательно вели разлагающую работу или, как ее называли в группе, «борьбу за мозги». Когда их «громили», они «каялись» и на время затихали, а потом опять принимались за свое. Одного из них исключили из университета, остальные его благополучно закончили.

Прекрасно понимая, что в СССР в настоящий момент никакая успешная организованная политическая борьба невозможна, они не играли в «партийность» и «конспиративность». Задавая на семинарах «провокационные» вопросы, протаскивая в официальных докладах и выступлениях «неортодоксальные» мысли, ведя «опасные разговоры» с наиболее «стоящими» из числа колеблющихся, они постоянно преследовали одну цель: помочь людям освободиться от сковывающих мысли цепей советской идеологии, вызвать в них сознательно критическое отношение к советской системе в целом.

Кто же такие, противостоящие активистам, «демагоги и критиканы»? Мы уже говорили, что все, что не способно стать в условиях тоталитарного режима «партаппаратчиком», отходит к оппозиции. «Просто» талантливому инженеру, а тем более «просто» историку пути наверх закрыты. Попытки совместить партийную карьеру с профессиональной приводят к крушению либо профессионала, либо партийца даже в областях, далеких политике. Именно такой случай изображен, например, в рассказе Гранина «Собственное мнение», где талантливый, но недостаточно мужественный и стремившийся во что бы то ни стало сделать карьеру инженер Минаев представлен превратившимся в безликого администратора, слепо подчинявшегося распоряжениям совсем уже ничтожного инструктора райкома партии Ломтева. Однако компромиссы, как правило, дело более поздних лет. Молодежь же стремится свободно следовать своему призванию. На каждом шагу встречается она с противоречиями между словом и делом, с искажением истины, с политическим произволом, с лицемерием и двурушничеством, с полным беспорядком с одной

стороны и с невероятными привилегиями с другой. Если молодой человек видит хоть часть всего этого, он становится в оппозицию к режиму, тем более, что противоречия и несправедливость советской действительности не могут не задевать его лично. Из сказанного ясно, что оппозиция молодежи тоталитаризму возникла не в последние несколько лет. Однако в годы послевоенного сталинского террора, когда за сравнительно невинный анекдот можно было получить десять лет лагерей, враждебность режиму тщательно скрывалась. Свои подлинные мысли и чувства доверяли двум-трем ближайшим друзьям — не больше. Основная масса молодежи находилась в состоянии полной апатии. Особо активные и непримиримые элементы пытались создавать маленькие тайные общества, обычно с неоленинской программой, занимавшиеся антисталинской агитацией и обреченные в конце концов на гибель. Нам известны две попытки такого рода. В обоих случаях к кружкам принадлежала молодежь главным образом из сравнительно привилегированных и, во всяком случае, зажиточных семейств. В 1952 г. группа молодежи, главным образом студентов разных московских институтов, решила организовать кружок с целью антисталинской пропаганды. Кружок насчитывал до 30 человек и просуществовал около 6 месяцев. Вершиной его деятельности был выпуск антисоветской листовки, размноженной на ротапринтере в типографии одного из институтов, куда студенты пробрались ночью, подобрав ключи. В листовке говорилось о сталинской тирании, уничтожившей все завоевания революции, и содержался призыв бороться с ней всевозможными способами, не уточняя, какими. После этого вся группа была арестована. Два месяца продолжались допросы. Об уровне политического сознания некоторых «революционеров» свидетельствуют такие факты. Одна девушка называла на следствии десятки имен, совершенно не причастных к делу. Когда эти люди были арестованы и даже МГБ не удалось установить их связи с «заговорщиками», следователь попытался выяснить, с какой целью его «клиентка» оговаривала невинных людей. В конце концов, он получил такой ответ: «Я считала, что если подумают, что нас много, то к нашему голосу прислушаются, поймут, что мы выражаем общественное мнение...» Другая шестнадцатилетняя «бунтовщица» объяснила свое участие в кружке просто: «С детства хотела быть шпионкой». Буквально поняв утверждение советской пропаганды, что всякая противоправительственная деятельность есть шпионаж, и увлекаемая, очевидно, «поэзией зла», она вступила в кружок. Один из руководителей организации, 20-летний аспирант, сын профессора, во время процесса

сказал: «Только теперь я понимаю, какой детский сад я за собой вел». Тем не менее, методы следствия были совсем не детскими: мужчин избивали, женщин осыпали площадной бранью, ко всем обращались на «ты» с прибавлением эпитетов «гаденыш», «змееныш» и др. Мало походил на детское наказание и приговор: троих к расстрелу, остальных в концлагери на сроки 10—25 лет. В 1956 г. оставшиеся в живых были амнистированы, восемь человек вернулось в Москву, что стало с остальными, неизвестно.

Другой случай организованного сопротивления режиму связан с именем всего лишь одного человека: вся организация состояла из него одного. Студент медицинского института (не в Москве) собственными руками построил гектограф и печатал листовки, рассылая их по адресам, наудачу извлеченным из телефонной книги, и расклеивая их на стенах домов. В течение года его не могли поймать, потом все же арестовали. В 1954 г. он получил 25 лет, а в 1956 г. был освобожден благодаря хлопотам влиятельного дяди.

Ослабление террора в послесталинское время значительно облегчило распространение враждебных режиму мыслей и настроений. Борьба с «культом личности» и прежде всего «тайная речь» Н. С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС, известная в СССР по меньшей мере всем членам комсомола, партии и профсоюзного актива (в общем около тридцати миллионов человек), а через них и всему населению страны, всколыхнула самые широкие массы. Подлинный смысл ее (отказ от некоторых методов сталинского господства при оправдании Сталина, как «трагической фигуры», и признании правильности политической линии партии под сталинским руководством) был совершенно не понят. Из речи Хрущева пассивно недоброжелательная к режиму, но в окончательных оценках колеблющаяся масса сделала два вывода: во-первых, Сталин был злодей, во-вторых — с террором покончено. Таким образом, мысли и настроения молодежи, давно уже горячими ключами бившие под толстым льдом сталинской диктатуры, получили, наконец, возможность разлиться вширь. Но возникли они отнюдь не под влиянием куцой «десталинизации». Они возникли под влиянием причин, влиявших как в сталинский, так и в послесталинский период развития режима. Причины эти: недовольство молодежи постоянным вмешательством власти в ее жизнь, о чем мы уже подробно говорили, недовольство низким жизненным уровнем — не только своим, но и всей страны, негодование в связи с преступлениями режима, трезвая оценка действительности и своего в ней бесправного положения — как в политическом, так и в ду-

ховном смысле — и вытекающие из всего этого морально-социальные искания, в результате чего молодежь прежде всего констатирует несоответствие между обещаниями марксистской теории и практикой коммунистического режима.

6

В чем выразился бурный «разлив вширь» враждебной режиму идеологии? Прежде всего, те темы, которые в сталинское время за пределами тайных обществ обсуждались в лучшем случае между двумя-тремя ближайшими друзьями, стали выноситься в более широкую аудиторию, причем постановка вопросов становилась все более радикальной. Началось с оживленных, но несколько абстрактных дискуссий об искусстве, об историческом и диалектическом материализме, с «провокационных» вопросов на семинарах. Дошло до того, что под вопрос ставились основы системы: колхозы, преимущественное развитие тяжелой промышленности, однопартийная система, отсутствие духовной свободы. Началось со студенческих групп и семинаров, дошло до выпуска нецензурированных рукописных журналов и стенгазет, до выступления на многотысячных комсомольских собраниях и литературных дискуссиях. Даже в советскую прессу проникли названия пяти подпольных студенческих журналов в Ленинграде, Москве и Вильнюсе; среди них такие явно крамольные как «Ересь» и «Свежие голоса». Оппозиционные элементы вырывали из рук активистов контроль над собраниями, явочным порядком вводили на них свободу обсуждения и выводили их далеко от предначертанного пути. Так было, например, во время венгерских событий, так было и весной 1956 г. после описанного выше «стромынского бунта», когда комсомольскому начальству не удалось добиться не только выдачи зачинщиков и исключения их из комсомола, но даже осуждения бойкота, как метода борьбы за улучшение материального положения. Частные разговоры на самые щекотливые темы между полужнакомыми людьми к началу 1956 г. стали в студенческой среде обычным явлением. И это несмотря на то, что участники таких разговоров, а тем более выступающие на собраниях отнюдь не гарантированы от серьезных неприятностей вплоть до исключения из комсомола и университета. Языки развязало уже то, что угроза физического уничтожения за неосторожное слово отпала. Тогда и заговорила советская печать о «демагогах и критиканах». Но конкретно установить, что же происходит, в чем заключается «демагогия» и «критиканство», по советской прессе очень трудно. Газеты сооб-

щают, что «малоустойчивые студенты попали под влияние буржуазной пропаганды и высказывали заведомо ложные, нездоровые в политическом смысле взгляды» («Труд», 8. 1. 1957), что «в библиотечном институте им. Крупской (Ленинград) появился рукописный журнальчик «Ересь», составленный из бредовых стишков, неумело подражающих худшим образцам декадентской литературы» («Комсомольская правда», 28. 7. 1956), но что это за «заведомо ложные взгляды» или о чем же все-таки писал «журнальчик», не сообщалось. Критика стилистичности была конкретной, «критика демагогов» ограничивалась общими туманными фразами, так как «демагоги» говорят о политике и советская пресса, очевидно, боится, что если изложить конкретную программу «охаивателей», то сочувствие читателя может оказаться не на надлежащей стороне. Лишь однажды «Комсомольская правда» проговорила. 3 января 1957 г. она писала: «Засланные в СССР агенты выпускают листовки, выдавая содержащиеся в них грязные мысли за голос советских граждан... Мы не можем позволить кому бы то ни было под видом борьбы, скажем, с элементами бюрократии, охаивать нашу систему, говорить о перерождении социализма».

Здесь названы две существенные черты советской оппозиционной идеологии, идеологии советской молодежи: 1) ее революционный активизм; 2) свойственное ей представление о том, что социалистическая система в СССР подверглась бюрократическому перерождению.

На страницах советской печати неофициальная идеология не обсуждается. Косвенно ее отдельные черты отражаются в некоторых статьях и книгах (например, в романе Дудинцева «Не хлебом единым» или в раскритикованных «Правдой» статьях молодого критика М. Щеглова). Но именно ее имеет в виду советская пресса, когда говорит о «демагогии» и «критиканстве».

Разными путями, но всегда самостоятельно идет молодежь к отрицанию режима. Активная враждебность режиму в современных советских условиях начинается тогда, когда человек находит в себе достаточно духовных сил, чтобы так или иначе уйти от официальной идеологии, постоянно оказывающей на него колоссальное давление, сбросить с себя груз единой государственной лжи, лжи о якобы народном характере режима. Всех «прозревших» объединяет между собой одно — понимание коренной противоположности интересов народа и власти, противоположности, неустранимой никакими «поправочками» и сменами начальства. Но ввиду специфических условий советской жизни путь к прозрению до недавнего времени каждый был вынуж-

ден проделывать в одиночку или, в лучшем случае, с помощью двух-трех ближайших друзей. Отсутствием преемственности и обмена мыслями объясняется тот факт, что, по крайней мере по нашим наблюдениям, среди антиправительственно настроенной молодежи царит величайший идейный разброд, какой только можно представить. Разногласия начинаются уже по вопросу о том, почему интересы народа и власти противоположны, а что касается решения социальных проблем, то трудно найти двух людей, совершенно одинаково представляющих себе, что именно должно придти на смену существующему положению вещей. Несмотря на этот колоссальный недостаток, разница между активным и пассивным сопротивлением режиму, как мне кажется, определяется в настоящее время тем, что пассивно сопротивляющийся ищет выхода из невыносимых условий советской жизни только для себя. Люди же, активно враждебные режиму, осознав коренную противоположность его интересов и интересов народа, ищут, кроме того, еще и выхода для страны в целом, пусть чисто теоретически, пусть часто в утопиях и иллюзиях, но ищут. Главной формой проявления активной враждебности к режиму среди молодежи является сейчас выработка группой друзей определенных идейных позиций, отрицающих советскую власть в современной ей форме и пытающихся противопоставить официальной советской идеологии какую-нибудь иную систему ценностей во всех или во всяком случае в ряде областей социальной и духовной жизни. Таких «платформ» существует великое множество. Мы хотим рассказать здесь лишь о тех из них, которые представляются нам наиболее характерными или интересными по существу. Есть точка зрения, которую можно условно назвать неомонолизмом. Она основывается, во-первых, на притягательной силе социального идеала марксизма, во-вторых, на знакомстве с ним при незнании альтернативных решений, в-третьих, на явном несоответствии между идеалом и методами, защищавшимися в 10—20-е гг., по крайней мере в теории, старыми большевиками и всей социальной системой СССР. Именно с обнаружения этого несоответствия, с крика «за что боролись» начинается для очень многих идеологический переворот. Молодежь воспитывают в верности идеалам социальной справедливости и всеобщего братства, заявляя при этом, что для их осуществления необходимо насилие над «эксплуататорскими классами», которое осуществляется партией через механизм диктатуры пролетариата. Рано или поздно молодой человек, присматриваясь к обществу, не обнаруживает в нем ни братства, ни социальной справедливости, ни эксплуататорских

классов, над которыми осуществляется насилие, но зато он видит, имеет возможность наблюдать насилие над народом, над рабочими, крестьянами, интеллигенцией, над самим собой. Так открывается ему несоответствие идеологии с действительностью. И тогда перед ним остаются два выхода: либо безразличие ко всякой идеологии, как к пустым словам, и цинизм, либо попытка «подправить» действительность под идеологию. Если человек в общем удовлетворен своей жизнью и совесть не очень мучает его, он выбирает первый, сугубо неконструктивный выход. Мы уже говорили, что цинизм особенно характерен для привилегированной молодежи, так как открывает некоторые возможности для внутренней, личной свободы, в то же время ни к чему не обязывая. Основная же масса молодежи, способной осознать противоречие между идеологией и действительностью, ищет путей к тому, чтобы привести мир в какое-то соответствие со своими идеалами. Орвэлл прав, говоря, что коммунизм погибнет потому, что у коммунистов не хватает мужества сказать самим себе правду о своей власти и соответствующим образом воспитывать молодежь.

Молодой венгерский журналист Дозе Козак, несколько лет проучившийся в Москве, в статье в газете «Franc Tigeur» так описывает свой путь прозрения: «Мы обнаружили полное несоответствие между теорией, которую нам вдальблывали в голову наши преподаватели, и практикой, которую мы каждый день наблюдали повсюду. Ложь и лицемерие, темные делишки и преступления, совершаемые во имя «социализма» и роскошной жизни для привилегированных, вызывали в нас отвращение. Отвращение вызывало в нас и то, что жизненный уровень рабочих постоянно снижался, тогда как нас в наших газетах заставляли доказывать обратное. Негодование вызывало в нас и то, что все, кто осмеливался, хотя бы и робко, поднять свой голос против несправедливости, автоматически зачислялись в ряды врагов режима и обвинялись в измене родине. Но еще большее негодование вызывало в нас то, что некоторые руководители оставались на своих постах, в то время как они были ответственны за аресты, за пытки, и часто за казни тысяч и тысяч людей, невинность которых власти в конце концов вынуждены были признать».

Путь Дозе Козака и факторы на него влиявшие — типичны для современной советской молодежи. Исполненная отвращения к режиму, она ищет идейного обоснования своим настроениям и зачастую находит их в марксизме. Почему? Во-первых, действует, как мы уже говорили, соответствующее воспитание при незнании альтернативных решений, во-вторых, привлекает рево-

люционный пафос марксизма, действенный, направленный на изменение существующего его характера («Философы до сих пор только объясняли мир, дело же заключается в том, чтобы его изменить», К. Маркс, тезисы о Фейербахе), в-третьих, бескомпромиссному отношению молодежи к режиму очень соответствует бескомпромиссность марксизма и тотальная ориентированность его, т. е. стремление к полной переделке всех форм общественных отношений. Разумеется, оппозиционная молодежь только потому и принимает частью марксизм, что считает советское общество не соответствующим его идеалам. Она ищет марксизма настоящего, обращаясь за ним к досоветскому периоду и к двадцатым годам. Подобно тому как политическая и социальная оппозиция английских пуритан абсолютизму (в XVII в.) оформлялась привычными цитатами из Библии, политическая и социальная оппозиция молодежи режиму Советского Союза оформляется нередко цитатами из классиков марксизма-ленинизма. При этом Ленину, например, иногда приписываются собственные мысли, а от «неприятных» моментов в его писаниях, находящих себе соответствие в советской действительности, просто отмахиваются. Так статью «Партийная организация и партийная литература» — теоретическую основу ждановщины — признают чисто полемической и Ленина (на основании некоторых мест из «Философских тетрадей») пытаются изобразить сторонником духовной свободы. 1937 год понимается как расправа сталинской бюрократической клики с подлинными вождями революции, своеобразный термидор. Октябрь, подлинная история которого неизвестна, принимается в идеализированной форме, и задачей объявляется возвращение к его первоначальным целям и указывается на бюрократическое перерождение режима диктатуры. Именно люди, исповедующие эту точку зрения, подражая старым революционным партиям, являются сторонниками решительных мер и ищут возможностей активной борьбы. В частности, известные нам две попытки распространения листовок принадлежат именно «небольшевикам». Характерной чертой этой идеологии является своеобразное славянофильство, прикрытые марксизмом рассуждения о духовном и моральном тупике, в который зашел Запад. При этом указывается, например, на по преимуществу трагический характер современной западной литературы. Отсутствие подлинного представления об условиях жизни на Западе, представление себе современного Запада строго по Марксу, является одной из обязательных предпосылок небольшевистской точки зрения.

В противоположность этому последовательно антибольшевистская точка зрения базируется на двух основных фактах: колоссальном экономическом расцвете Запада и явной неудаче социалистического эксперимента в России. Под обстрел берется прежде всего тот широко распространенный предрассудок, что своим промышленным развитием Россия обязана социалистической индустриализации. Один молодой экономист, имевший доступ к святой святых Статистического управления, подсчитал, что на «социализме» Россия потеряла примерно 40% своего возможного промышленного развития, так как, если бы после 1918 года промышленность и сельское хозяйство продолжали бы развиваться такими же темпами, как и в 1913 г., и с тем же коэффициентом замедления и экономическими кризисами, как и, например, в США, то в 1955 г. ее валовая продукция должна была бы быть на 40% выше, чем она была в действительности.

Исходя из того, что все достигнутое в России за последние сорок лет, достигнуто не благодаря, а вопреки так называемому социализму и что без него было бы сделано много больше и ценой меньших жертв, Россия, вне зависимости от отношения к социализму вообще, признается к социализму неподготовленной. Октябрь, таким образом, рассматривается как колоссальная историческая ошибка, которая только и могла привести к тому, к чему она привела: к доведенному до абсурдных пределов государственно-монополистическому капитализму, естественным политическим завершением которого является современная государственная власть. Цель последней — обеспечить господство тех, кто извлекает из системы государственного капитализма прямые политические и экономические выгоды. При этом сразу возникает вопрос, как могло из революции, на знамени которой было написано: «Уничтожение эксплуатации, демократия без чиновников, без полиции, без постоянной армии, исполнение каждым членом общества обязанностей по управлению государством» (Ленин, Государство и революция, 1917 г.), как могло из такой революции возникнуть величайшее чиновничье царство с его чудовищной эксплуатацией, всемогуществом бюрократии, жесточайшим полицейским террором, самой большой армией в мире, устранением 99,99% членов общества от участия в государственных делах и полной бесконтрольностью власти.

Ответ на этот вопрос сторонники последовательно-антибольшевистской точки зрения пытаются найти анализируя те средства, с помощью которых творцы революции — большевики — собирались переустроить общество на основах наибольшей справедливости и самого широкого распространения демократии.

Корень всех социальных зол большевики видели в эксплуатации человека человеком, основанной на частной собственности на средства производства. Следовательно, рассуждали они, ключ к решению проблемы — в переводе средств производства в общественную собственность. Но владельцы средств производства будут, естественно, сопротивляться этому. Для их подавления необходима сильная государственная власть, представляющая интересы неимущих, — диктатура пролетариата, осуществляемая при его поддержке его передовым отрядом — партией. Эта же власть как представитель всего общества берет средства производства в свои руки. Таким образом, государство сосредоточивает в себе не только всю полноту политической власти, но и получает возможность распоряжаться всеми экономическими ресурсами общества. Однако национализация, которая теоретически считается обобществлением средств производства, на самом деле ведет лишь к их огосударствлению. Само же государство, сколько ни говори о его пролетарском характере, не существует вне конкретных представителей государственной власти — в условиях СССР сотен и сотен тысяч чиновников в центрах и на местах. Государство, которое на словах объявляет себя представителем пролетариата, при полной бесконтрольности (следствие любой диктатуры), легко и естественно от него отрывается и начинает защищать свои собственные интересы или точнее интересы пришедшего к власти партийного чиновничества, далеко не совпадающие с общественными или пролетарскими. Полное огосударствление наступает в тот момент, когда рабочий контроль над национализированным производством устраняется. Таким образом, последовательные антибольшевики считают, что за фразой «обобществление средств производства» в советских условиях кроется передача их из частных рук в коллективную собственность бюрократии — хозяйки режима, получающей от него бесчисленные политические и экономические выгоды и единственно заинтересованной в его существовании. И хотя официально диктатура признается только «временным явлением», чиновники, которым она дает возможность распоряжаться всей общественной жизнью (политической и экономической) так, как им это выгодно, заинтересованы совсем не в ее временности, а наоборот — в ее вечности и укреплении. И хотя первоначально «победа пролетариата в одной стране» была объявлена лишь базой для мировой революции, вновь возникшее партийное чиновничество, которому достались все плоды этой победы, заинтересовано не в сомнительных мировых переворотах, а в пер-

вую голову в закреплении за собой уже достигнутого, не отказываясь при случае и от империалистической экспансии.

Возглавила революцию небольшая кучка интеллигентов, людей без личной жизни, идеалистов, обладавших колоссальной жертвенностью. За ней пришла масса конкретных осуществителей диктатуры, поднявшихся на гребне революционной волны из общественного небытия к вершинам власти и стремящихся не к «осуществлению общественной справедливости через насилие», а к тому, чтобы любой ценой укрепить собственное положение. В этом был один из многих трагических просчетов русских революционеров-интеллигентов. Когда они спохватились, было уже поздно. Новая партийная бюрократия утвердилась в своей власти и вовсе не собиралась отступать от нее. В ее руках была реальная сила и уйти пришлось идеалистам. Руководителей революции, много лет возглавлявших различные оппозиции, неизменно остававшиеся внутри партии в меньшинстве, сначала отстранили от власти, а потом физически ликвидировали (1935—1938 гг.). Этот момент ознаменовал собой окончательную победу нового строя, прикрывающегося наименованием «социализм», а в действительности представляющего собой экономическое господство и политическую диктатуру бюрократии.

Что же представляет собой советский «социализм» с точки зрения последовательного антибольшевизма? Это, с его точки зрения, новое классовое общество со своеобразным социально-экономическим строем. Если частной собственности в нем нет, то зато бюрократы как класс распоряжаются всеми экономическими ресурсами в своих интересах, по сути дела коллективно владеют ими. Общественное богатство они, как и всякий господствующий класс, используют двояко. Во-первых, на укрепление и расширение собственного владычества, опорой которого являются армия и полиция. Конкретным выражением этой стороны бюрократического господства является политика преимущественного развития тяжелой промышленности, направленная на постоянное увеличение мощи государства как единственной защиты господствующего положения бюрократов в советском обществе. Во-вторых, «хозяйева жизни» используют свою власть и чисто потребительски, для обеспечения себе таких жизненных условий, которые больше никому не доступны. Конкретно это выражается в системе чрезвычайно высоких ставок и преимущественного распределения среди бюрократов тех продуктов питания и широкого потребления, которых ввиду недостаточного развития сельского хозяйства и легкой промышленности на всех не хватает; в nepотизме, против которого протестуют на словах и который,

по существу, является узаконенным явлением. Дети бюрократов принимаются в университеты по записочкам отцов и для них даже создаются специальные школы, вроде школы в Москве, в Сокольниках, где все преподавание ведется на английском языке и где учились и учатся сыновья чуть ли не всего «коллективного руководства». Наконец, в последнее время широкое распространение получила система «пакетов», которая заключается в том, что высшие бюрократы в дополнение к заработной плате получают ежемесячно в запечатанных пакетах большие суммы денег, не облагаемые налогами. Так, например, заместитель министра высшего образования В. Ф. Промыслов получал «в пакете» 7 500 рублей в месяц, а Фурцева, как она сама призналась в речи на заводе «Шарикоподшипник», 17—20 тыс. руб. Итак, если согласно определению, принятому в марксистской социологии, «классы — это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой благодаря различию их мест в определенном укладе общественного хозяйства», то советская бюрократия — это уже вполне явственно кристаллизовавшийся класс, присваивающий себе труд рабочих, крестьян и интеллигенции благодаря командному положению в системе монополистически-государственного капитализма. Естественно, что эксплуатируемые классы не могут удовлетвориться таким положением. Отсюда политическая необходимость подавления народных масс, вытекающая из экономической эксплуатации. Такое подавление может осуществляться только в форме жесточайшей диктатуры, непосредственно проводимой в жизнь особым отрядом бюрократии, КГБ, милицией, профессиональным офицерством. На правительственном уровне роль законодателей играют те же самые люди, которые одновременно являются хозяевами и командирами производства. Таким образом, мы наблюдаем здесь невиданную до сих пор в истории концентрацию власти в руках людей, распоряжающихся как промышленностью огромной страны, так и не обладающих никакой самостоятельностью, но мощным и послушным государственным аппаратом. Это положение дает им возможность достигнуть в государственном масштабе такой степени эксплуатации населения, которая при частном капитализме была возможна лишь в глухих колониальных уголках, где не было ни гражданских властей, ни купцов, и администрация предприятия, «поддерживая порядок» с помощью надсмотрщиков или фабричной полиции, снабжала население через фабричные лавки.

Все это чрезвычайно выгодно для бюрократии и в то же время не может не вызывать сильнейшего недовольства народ-

ных масс, жизненный уровень которых остается чрезвычайно низким. Всякая попытка повысить его (вроде курса Маленкова на развитие легкой промышленности) наталкивается среди основной массы советских руководителей на резкое сопротивление как противоречащая интересам господствующего класса, т. е. интересам развития промышленности в целях укрепления власти бюрократии. Вследствие этого недовольство народа так сильно, что вводить его в какие-то рамки удастся лишь в пределах тоталитарного режима. Тоталитарный режим, следовательно, по рассуждению антибольшевикиков, является лишь естественным и единственно возможным политическим оформлением положения бюрократии как господствующего класса. При любой степени демократизма советское руководство, даже вне зависимости от соучастия его членов в преступлениях Сталина, не продержалось бы у власти и одного месяца, так как защищаемые им интересы все время вступают в непримиримые противоречия с интересами народных масс.

7

В соответствии с такой оценкой структуры современного советского общества, антибольшевистски настроенная часть молодежи оценивает и происшедшие в нем перемены. Цель власти — атомизация общества, недопущение объединений, которые могли бы вести борьбу (идейную или политическую) за интересы каких-либо групп населения, за интересы, противоположные или не во всем совпадающие с интересами правящего чиновничества. Политика устранения, запрещения самых невинных организаций, если они не находятся под контролем государства, стремление путем сексотства вызвать у людей недоверие к своему ближнему — все это преследует одну цель — разъединить и отпугнуть советских граждан друг от друга. Никакая борьба за частные уступки в СССР невозможна именно потому, что объединение с такой целью будет все равно рассматриваться властью как направленное на «подрыв устоев», и участники его будут соответственно наказаны. Самый факт объединения уже есть преступление, а вне объединения борьба даже с самой умеренной программой невозможна. Поэтому любые организованные усилия должны быть направлены на свержение режима. Власть не может допустить никаких объединений потому, что, только последовательно осуществляя атомизацию общества, она в состоянии «диалектически примирить» (путем насилия) свои интересы с интересами народа. Но поскольку осуществлять атомизацию обще-

ства можно только полицейскими мерами, постольку, независимо от субъективных качеств и намерений «хозяев России», режим всегда будет оставаться тоталитарным. Если он только допустит независимую от него концентрацию силы, т. е. свободные объединения в разных частях общества, то они неизбежно будут расти с катастрофической для советской власти быстротой (так как недовольство велико) и рано или поздно окажутся орудием его насильственного свержения.

В политически наиболее активной части советской молодежи, среди «демагогов и крикунов», как называет ее советская пресса, существуют два различных взгляда, вертикально накладывающиеся как на неомошевизм, так и на антимошевизм. Одни считают, что русское общество настолько атомизировано и обескровлено сталинским террором, что ему в условиях полицейского государства предстоит пройти через длительный и мучительный процесс создания хоть каких-то форм объединения, противостоящего власти, и накопления сил. Только после этого может произойти революция. Другие указывают, что в то же время потенциальное, хотя и аморфное, неорганизованное недовольство так сильно, что любой случайный толчек может вызвать его кристаллизацию, стихийное и мгновенное объединение общественных сил, революцию. Трудно сказать, какая из этих теорий осуществится, но нам кажется, что вторая теория это, в общем, теория ожидания чуда и поэтому она вряд ли оправдана.

Следовательно, как «неомошевики», так и сторонники последовательно-антимошевистской точки зрения видят основной конфликт советского общества в противоречии между бюрократической кликой и народом. Но если «неомошевики» видят в бюрократии лишь некую тяжелую болезнь социализма, которую надо устранить хотя бы с помощью хирургического вмешательства, чтобы дать здоровому организму возможность развиваться, то сторонники последовательно-антимошевистской точки зрения видят в ней естественное следствие системы, которая, с их точки зрения (и с нашей тоже), вовсе не является социалистической. Поэтому «хирургическое устранение бюрократической опухоли» (дословное выражение студента медицины, распространявшего листовки, о котором мы говорили выше) они считают недостаточным и требуют перестройки всей хозяйственной жизни. При этом все последовательные антимошевики сходятся на признании необходимости свободного рынка как единственного средства обеспечить развитие промышленности в интересах потребителя и дать основу для политической демократии в стране. Кто же должен выступать на таком рынке, социа-

листические ли кооперативы или частные предприниматели, или те и другие? По этому вопросу мнения расходятся. Естественно, что люди, последовательно-антибольшевистски настроенные, с симпатией смотрят на Запад, так как они видят или в примере Швеции и Англии, или в примере США, определенный, хотя и очень приблизительный образец для будущей России. Но при этом особенно подчеркиваются объективно социалистические тенденции современного развития на Западе (вроде национализации в Англии или акционирования предприятий рабочими в Америке). Таковы, как нам представляется, две основные формы сознательной политической оппозиции режиму. Как «небольшевики», так и последовательные антибольшевики желают революционного устранения существующего бюрократически-полицейского режима и установления политической демократии. Но если антибольшевики являются противниками любой диктатуры вообще, то небольшие считают демократию возможной потому, что в России «уничтожены эксплуататорские классы» и «диктатура пролетариата» сыграла, таким образом, свою роль, но переродилась и превратилась в тормоз на пути общественного прогресса. Далее, «небольшевики» хотят сохранения централизованной системы государственного управления народным хозяйством (включая реорганизованные на началах добровольности колхозы) и отрицают необходимость свободного рынка, считая все это «подлинно социалистическим». Последовательные антибольшевики стоят за свободный рынок, но люди, предлагающие восстановление неограниченного права частной собственности, совсем не встречаются.

В спорах между небольшими и антинебольшими можно видеть определенные зародыши противоречий будущей России, но сейчас они, конечно, не имеют определяющего значения. На признании необходимости завоевания правового демократического государства, где были бы обеспечены основные демократические свободы, сходятся все. Упорно выдвигаемые сейчас требования «духовной свободы» основываются на стремлении вести идейную борьбу за такое государство. Общий лозунг этой борьбы, объединяющий всю студенческую молодежь вне зависимости от существенных оттенков убеждений, — «Социалистическая революция против псевдосоциалистического государства», так как молодежь стоит на субъективно социалистических позициях. Комплекс «социализм — хорошо, капитализм — плохо» крепко засел в ее сознании. И хотя многие восхищаются достижениями США, вряд ли кто-нибудь считает возможным

применить в России при иных традициях и иной истории социальный опыт американского капитализма.

Мы еще ничего не сказали о тех иллюзиях и непоследовательностях, которые существовали среди политически активной, в общем радикальной молодежи. Дело в том, что на облегчении положения пытались нажать себе политический капитал и «коллективное руководство». Время от времени ему удавалось вызвать иллюзии относительно его подлинных намерений; особенно много таких иллюзий существовало в период сразу после «тайной речи» Хрущева (как мы уже выше заметили, неправильно понятой массами) до первых статей в «Правде» против «демагогов», и в маленковский период, когда наряду с широкой амнистией и уничтожением всем ненавистного Берия начала, казалось, меняться и экономическая политика. Если бы жизненный уровень народа был повышен, уменьшилось бы и недовольство, что в свою очередь позволило бы снизить интенсивность подавления и могло бы привести к определенной либерализации. Отход от политики первоочередного развития легкой промышленности, провозглашенный Н. С. Хрущевым в докладе, разоблачавшем сталинские методы и основные линии сталинской политики, а также мероприятия, направленные на укрепление трудовой дисциплины в колхозах, новое сокращение приусадебных участков, обложение скота в городах налогами и т. п. произвели крайне тяжелое впечатление и способствовали разрушению иллюзий. Тем не менее надо считаться с тем, что любое облегчение положения определенной группы населения безусловно вызывает в ней кратковременные надежды на радикальные перемены. Когда эти надежды оказываются обманутыми, оппозиция становится еще более непримиримой, чем раньше. Надо отметить еще, что не все люди, искренне и глубоко ненавидящие советскую власть, продумывают свое к ней отношение до конца. Многие протестуют прежде всего против линии, официально проводящейся в той области, в которой они непосредственно заняты, и затем проецируют этот протест на режим в целом. Так, например, один молодой ленинградский художник, показывая великолепные декоративные панно, которые ему приходится держать в своей мастерской, поскольку они не соответствуют духу «социалистического реализма», говорил: «За три года я выставил десять холстов разной колхозной и партизанской серятины, и ни одной из этих вещей». И добавил с ненавистью: «Я им еще за это когда-нибудь сверну шею».

В профессиональной, художественной, музыкальной, актерской, искусствоведческой, писательской и критико-литературной

среде, наряду с острой неприязнью к режиму, иногда бывают очень сильные тенденции к отрицанию вообще всякой общест-венности, к уходу в «башню из слоновой кости», к крайнему эстетизму, а временами и к снобизму. Снобизм этот выражается в презрении ко всем непосвященным в тайны современного модернистского искусства, но с другой стороны во многих случаях он является мощным стимулом к изучению этого самого запретного и разлагающего советские ценности искусства. Несмотря на то, что такая деятельность никем не поощряется, среди советской молодежи есть люди, тщательно следящие за культурной жизнью на Западе, знатоки современной литературы и музыки. Тот факт, что они никак не могут использовать свои знания, что то, что они пишут, не выходит за пределы узкого круга друзей, естественно отнюдь не увеличивает их преданности режиму, не говоря уже о том, что для них безусловно неприемлема власть, навязывающая искусству служебно-пропагандную функцию. Вообще же оппозиция режиму наиболее идейно последовательна в среде студенчества, связанного с гуманитарными науками, так как, во-первых, оно наиболее подготовлено к мышлению социальными категориями, а, во-вторых, особенно недовольно отсутствием духовной свободы, потому что для него это есть и профессиональная свобода.

Заключительные замечания

Если попытаться теперь кратко определить отношение политического авангарда советской молодежи к тоталитарному строю, то можно сказать, что уже существует находящаяся в процессе выработки революционная идеология. Что может противопоставить ей власть? Во-первых, силу, репрессии по отношению к наиболее открыто оппозиционным студентам (есть сведения, что около ста студентов Московского университета были исключены и сосланы на целину). Но можно задержать распространение враждебных режиму идей через открытые каналы (например собрания), но не через частные разговоры. Во-вторых, аргумент, что всякая открытая критика режима «будет использована врагами» (См. «Комсомольская правда», 26. 12. 1956). Этот аргумент может оказать определенное, но не решающее воздействие на небольшевистские круги, все еще видящие в «капиталистическом мире» врагов. В-третьих, режим пытается перестроить идеологическое воспитание молодежи в плане интенсифи-

кации, но, главным образом, как намечает Хрущев, в плане перехода к «изучению конкретной экономики» и «политики партии». Это означает отход от изучения скользких и бьющих по режиму общих вопросов переустройства общества на марксистских началах в пользу разного рода «текущих задач». Тем не менее ликвидировать противоречивость того воспитания, которое она сама дает молодежи, советской власти, без отказа от марксизма, т. е. от права своего первородства, не удастся. Главное же в том, что тоталитарный режим ни при каких условиях не может дать ответа на два вопроса, под знаком которых происходит выработка революционной идеологии. Где гарантии, что террор больше не повторится? — спрашивает молодежь (и не только молодежь). И отвечает — гарантий нет. Единственной гарантией против террора является демократически контролируемая власть. Это ясно очень и очень многим. И хотя путь к демократии еще не ясен, но уже самый факт того, что необходимость демократии, не как роскоши, а как неперемennого условия существования, осознается, имеет уже большое значение.

Второй вопрос — это «когда же мы, наконец, получим социалистически-коммунистические блага — и материальные, и обещанное еще Энгельсом «царство свободы»? Откладывать расплату по выданным векселям на благополучие становится все труднее и труднее, и все меньше людей верят в то, что эта расплата когда-нибудь произойдет, все больше и больше людей понимают, что они обмануты.

Пока режим не сможет дать положительного ответа на оба эти вопроса, отношение между ним и молодежью могут измениться только в неблагоприятном для тоталитаризма направлении. А он не сможет дать удовлетворительного ответа никогда, не изменив своей сущности.

Автор данного исследования Д а в и д Б у р г
окончил после второй мировой войны Москов-
ский государственный университет. Новейший
эмигрант. Журналист.

Summary

Opposition Trends among Youth in the Years Following the "Thaw"

In the years after the so-called "thaw", which followed the death of Stalin and took the form of a relaxation in the severity of the regime in the USSR, the Soviet population was able to engage in a comparatively free expression of moods and thoughts opposed to official Communist ideology. Such moods and thoughts, which were noted in the Soviet press, provide the answer to the question of the younger generation's attitude toward the regime. Soviet youth openly expressed its dissatisfaction with the regime and was responsible for some 70% of all cases of opposition to the authorities found in the press. After the stormy events of 1956, the press was, until early in 1957, full of reports on "young persons who do not see the benefits of Soviet life behind the individual shortcomings." Leningrad student circles proved to be full of "ultrarevolutionaries," "demagogues," "nihilists, engaged in a re-evaluation of values," "apolitical persons with the wrong ideas," and "infringers of public order" (*Komsomolskaya pravda*, December 14, 1956; *Leningradskaya pravda*, December 13—14, 1956; *Trud*, January 8, 1957). The Moscow University wall newspaper *Tribuna* "permitted slanderous attacks on the Soviet authorities borrowed from the bourgeois press". (*Trud*, Jan. 8, 1957). At the Moscow Power Institute "chatterers and demagogues jumped up and made speeches" (*Sovetskaya Rossiya*, December 19, 1956). In Sverdlovsk there was discontent among graduate technicians at the Uralsmashzavod, while at the Urals State University and Polytechnical Institute there were "demagogic statements by individual students at Komsomol... meetings" (*Sovetskaya Rossiya*, December 19 and 22, 1956). In Voronezh there were "petty bourgeois individualists" (*Meditsinsky rabotnik*, January 15, 1957). On February 28, 1957, the Central Committee published a decree admitting the failure of ideological work in the Komsomol. On numerous occasions throughout the year the Party complained that "some young persons do not value the present very much" (*Pravda*, August 27, 1957). One immediately asks: how did such discontent arise, what were the reasons for it, what concrete forms did it take, and what are the future prospects for the development of relations between the younger generation and the authorities?

Examining the attitude of the political *avant-garde* of Soviet youth toward a totalitarian society, we can state that a revolutionary ideology is presently in the process of crystallization. What can the authorities use as a counter? First, force. However, repressive measures can only hold up ideas hostile to the regime through channels open to supervision, meetings, for example, and not through private talks. The regime is attempting to reorganize the ideological training of youth mainly, as Khrushchev noted, by switching to the "study of concrete economics" and Party policy. In other words it is leaving aside the study of awkward general questions on the reconstruction of society along Marxist-Leninist lines. Emphasis is now to be on "current tasks." Nonetheless, the Soviet

authorities will not put an end to the contradictory nature of the training which they are providing unless they abandon Marxism-Leninism. The main point is that a totalitarian regime cannot provide answers to two questions. First, where are the guarantees that the terror will not be repeated? There are none. The only guarantee is a democratic form of government. This fact is clear to many in the USSR. The second question is: When will we finally receive the socialist-Communist benefits — both the material and the "rule of freedom" promised by Engels?

Until the regime can provide positive answers to these two questions, relations between it and the younger generation will continue to develop along lines unfavorable to a totalitarian regime. Yet it cannot provide satisfactory answers until it changes its very nature.
